

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ЛУГЪ ДУХОВНЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
»О Р Ы«
СПЕТЕРБУРГЪ
1 9 0 7

**О БЕЗУМІИ ИРОДІАДИНОМЪ,
КАКЪ НА ЗЕМЛѢ ЗАРОДИЛСЯ ВИХОРЬ.**

В. В. Перемиловскому.

Ударила крыльями бѣлогрудая рай-
ская птица, пробудила ангеловъ.

Спохватились ангелы, полетѣли пе-
чальные на четыре стороны, во всѣ семь-
десятъ и двѣ страны понесли вѣсть.

Бѣлые цвѣты!

Въ этотъ вечеръ — святой вечеръ
Христосъ на землѣ родился, возсіялъ
нощному міру миръ и свѣтъ.

Бѣлые цвѣты!

Непробуднымъ сномъ спали волхвы въ
теплой просторной избѣ. Три золотыя
короны—золотыя лампады теплились на
вѣщихъ серебряныхъ головахъ.

Разморило старыя кости—долго́ былъ путь и труденъ весьма; золото, ладанъ и смирна оттянули мудрецамъ всѣ руки; ходко шла звѣзда, какъ вела ихъ къ вертепу, едва поспѣвали.

И снились мудрымъ чудесныя вещи.

Въ сонномъ видѣніи предстали три пламенныхъ ангела.

Сказали три пламенныхъ ангела:

— Идите, идите, волхвы, на свою гору Аравію, не возвращайтесь къ царю Ироду: не добро въ сердцѣ цареви, хочетъ царь извести Младенца. Идите, идите, волхвы!

Мигомъ слетѣлъ сонъ, будто спать не ложились. Поднялись волхвы, помолились звѣздѣ, поняньчали Младенца, еще разъ поклонились Младенцу, пастуховъ пожурили и съ путеводной золотой по скользкимъ тропамъ отошли инымъ пу-

темъ на гору Аравію въ страну свою персидскую.

И тамъ сѣли мудрые въ столпы каменны и сидятъ до днесь, питаясь славословіемъ—усердно хваля Всевышняго.

Вошелъ гнѣвъ въ сердце, разлился по сердцу Ирода.

Обманутый и осмѣянный.

Тоска, тревога, страхъ мѣдяницей жалеть сердце.

Тоска, тревога, страхъ ворономъ клюютъ царское сердце, ибо родился царь Іудейскій.

И помрачилась смущенная душа: посылаетъ царь перебить всѣхъ младенцевъ отъ двухъ лѣтъ и ниже, ибо родился царь Іудейскій.

Замутились непролазные туманы по нагорью.

Тухнетъ нагорное царство.

Ясныя звѣзды и темныя со звѣздами
и полувѣздами затмили свой свѣтло-яр-
кій свѣтъ.

Держали дороги, путали перепутья—
не всплыла святая луна.

Рогоногій всталъ мѣсяцъ на ея мѣ-
стѣ, и отъ востока до запада, отъ земли
до неба стонъ сталъ.

О, безуміе, и омраченіе нечестивыхъ
царей! Нѣтъ мѣры и конца жестокости.

Колыбели — гробы. Не скрипятъ, не
качаются липовыя.

Нѣтъ младенца живого. Не погулить,
не пикнуть бездыханному.

И плачетъ мать, Рахиль неутѣшная,
не хочетъ утѣшиться, ибо домъ ея пустъ,
и нѣтъ дѣтей.

Твердо, какъ камень, молоко, а сосцы
ея—желѣзо, а сердце—адъ.

Одна Божія Мать не горюетъ: къ ея дѣвичей груди приливаетъ теплое молоко; не тужитъ. И увлажняются глаза непорочные радостью обрадованной кормящей матери.

Одинъ живъ младенецъ святъ—одинъ Іисусъ Христосъ.

У сѣдого Корочуна — укрылъ Корочунъ странниковъ, на томъ свѣтѣ старому стократы зачтется!—у сѣдого дѣда въ хлѣву лежитъ въ ясляхъ Младенецъ.

Конь подѣлъ подъ нимъ сѣно, топаетъ ногой, какъ топалъ, когда бѣлый ангелъ зажегъ звѣзду надъ вертепомъ.

Сонно жуютъ волю жвачку, не мукнутъ, не шевельнутся, — не чета во роному.

Укоряетъ коня Богородица: зачѣмъ сѣлъ все сѣно!—и стелетъ солому, повиваетъ Сына.

Бѣлые цвѣты!

* * *

На черной горѣ, на семидесяти столбахъ златоверхіе три бѣлыхъ терема. Вокругъ теремовъ желѣзный тынъ. На каждой тынинкѣ по маковкѣ. На всякой маковкѣ по черепу.

Не подойти злой вѣдьмѣ, не подступиться къ теремамъ и на семь верстъ: не любы ей мѣдныя ворота да желѣзный тынъ,—заворожены.

Въ мѣдныхъ сапогахъ, въ желѣзной одеждѣ Иродъ царь.

Празднуетъ поганый козаръ новолѣтіе—жатвенный пиръ.

На царскомъ дворѣ запалили костры, на царскомъ дворѣ кипятъ котлы: пшеничное вино, червоное пиво, сладкіе меды.

Полонъ дворецъ гостями, не сосчитать ликомъ, биткомъ набиты три терема.

Веселые люди, потѣшники — и гусли гудуть; скоморохи, глумцы и кукольники, и ловка и вертка Береза - Коза въ лентахъ бренчитъ погремушками; удоноши, зачерненные сажей, игрецы и косматая хари — кони, волки, кобылы, лисицы, старухи, козлы, турицы, аисты, туры, павлины, журавли, пѣтухи; тамъ пляшутъ со слѣпой рыжей сучкой, вертятся вокругъ чучелы съ льняной бородой, тамъ обвитые мокрымъ полотномъ рукопашъ борятся съ лютымъ звѣремъ, тамъ безволосые прыгаютъ съ обезьянкой черезъ жерди; разносятъ утыканныя серебромъ яблоки — пожеланья, визгъ, драка, возня и подачки — осыпаютъ, осѣваютъ зернами, кличутъ Плугу, гадаютъ, и на сивой свинкѣ выѣзжаетъ самъ Усень — овсенева пѣсни — Заря-Усень — Таусень! Таусень! — бьютъ въ заслонки, рѣшета, тазы, сковородки; и

бродятъ мартыны безобразные да медвѣдчики съ мохнатыми плясовыми медвѣди.

Непозванные садятся за столъ, беззапретно ковыряютъ свиную морду, навально ломаютъ изъ чистаго жита калачъ, объѣдаются румянымъ пирогомъ, лопаютъ пышки и лепешки, непрошенные пьютъ чашу.

Ого-го коза,—переминается съ ноги на ногу, поворачивается на копытчикахъ на серебряныхъ и вдругъ дрожить сѣрая, что осиновый листъ, дрожить и ни съ мѣста.

Завизжали собаки.

Заметались медвѣди, громыхаютъ цѣпами, рвутъ кольца, на дыбы, толсто-пятые.

То не бубны бьютъ, не сопѣли сопятъ, не бузинныя дуды дуютъ, не домра

и сурна дудитъ, не волынка, не гусли,
тимпаны — —

Красная панна Иродіада, дочь царя,
пляшетъ.

*

Бѣлая тополь, бѣлая лебедь, красная
панна.

Стелютъ волной, золотые волнуются
волосы—такъ въ грозу колосятся колосья
бѣлоярой пшеницы.

И стелютъ волной, золотыя поднима-
ются косы, сплетаясь вершинами, схо-
дятся,—двѣ высокія вѣтви высокой и
дивной яблони.

А на вѣтвяхъ въ бѣло-алыхъ цвѣ-
тахъ горятъ свѣточы, и горятъ и жгу-
чимъ оловомъ слезы капаютъ.

А руки ея—рѣки текутъ. Изъ мвра
мвровыя, изъ прозрачныхъ водъ — бѣ-
ло-алыя.

А сердце ея—криница, полная вина
краснаго и пьянаго.

А въ сердцѣ ея—одинъ—Онъ одинъ—
Онъ одинъ, Онъ въ пустынѣ, Онъ въ
пустынѣ оленемъ рыщетъ.

Бѣлая тополь, бѣлая лебедь, красная
панна.

Онъ одинъ, Онъ въ пустынѣ, Онъ въ
пустынѣ оленемъ рыщетъ.

А руки ея—рѣки текутъ. Изъ мвра
—мвровыя, изъ прозрачныхъ водъ—бѣ-
ло-алыя.

А сердце ея — криница, полная вина
краснаго и пьянаго.

И восходитъ надъ міромъ навстрѣчу
солнце пустыни, раскаленной пригорш-
ней взрываетъ песчаныя нивы,—и идутъ
лучи черезъ долины и горы, черезъ до-
лины и горы по курганамъ, по могиламъ,
по могильнымъ холмамъ, по могильни-

камъ — — — Закидываетъ солнце лучи черезъ желѣзный тынъ въ бѣлый теремъ.

Быстры, какъ стрѣлы, и остры глаза царевны,—она проникаетъ въ пустыню.

Онъ въ пустынѣ, облеченный въ верблюжью кожу, Онъ креститъ небо и землю, солнце и мѣсяцъ, горы и воды—

Бѣлая тополь, бѣлая лебедь, красная панна.

Онъ въ пустынѣ. Онъ креститъ небо и землю, солнце и мѣсяцъ, — красную панну.

Онъ креститъ въ криницѣ, ея сердце—криница—красная, пьяная, и кипитъ и проситъ — —

Не надо ей царей, королей, королевичей, Онъ — единственный женихъ ея, она—невѣста.

И сердце ея отвергнуто.

Осень. Осенины. Синіе вечера.

Синимъ вечеромъ одна тайкомъ, одна тайкомъ изъ терема она на Іорданѣ.

Во Іорданѣ крестилась, тамъ полюбила.

И сердце ея отвергнуто.

Не надо Ему дворцовъ, золота, царской дочери. Не надо сердца сердцу обрученному со Христомъ — женихомъ небеснымъ.

И во пленницы не стануть причитать надъ ней, не посѣтуетъ плача, не заголосить пѣвуля, не завопитъ вытница.

Осень. Осенины. Синіе вечера.

Ой рано, рано—

—птицы изъ Ирѣя по небу плывутъ—

Ой рано, рано—

Таусень! Таусень!

Красная панна Иродіада, дочь царя, пляшетъ.

И пляшетъ неистово, быстро и бѣшено—панна стрѣла.

Пляшетъ метелицу, пляшетъ завѣйницу.

Навечеріе—святъ-вечеръ, ночи сквозь, ночь.

И всталъ царь.

Не дуютъ дуды, не кличутъ Плугу, замолкли сурны, дамы; зачерненные сажей жутко шмыгають удоноши; сопятъ медвѣди.

Сказалъ царь:

— Чего ты хочешь, Иродіада,—и клянется,—чего ни попросишь, я все тебѣ дамъ.

Прожорливо пламя—огнь желаній, тоска—тоска любви неутоленной, неутолимой жжетъ...

— Хочу, чтобы ты далъ мнѣ голову Ивана Крестителя.

И опечалился царь, опечалился бѣлый златоверхій теремъ.

Зачерненные сажей жутко шмыгають
удоноши; сопятъ медвѣди.

Зажурилась черная гора.

Тутнетъ нагорное царство.

Повелѣніемъ царя усѣчена голова
Ивана Крестителя.

Нагорное царство—туда вѣтеръ круг-
лый годъ не заходитъ—на черной горѣ
и кручинится.

Бѣлая порошица выпала, бѣлая кроетъ
—порошить кручину да черную гору.

Бѣлые цвѣты!

Звонче мѣди, крѣпче желѣза царская
власть.

О, безуміе и омраченіе нечестивыхъ
царей. Нѣтъ мѣры и конца жестокости.

Онъ не рыщетъ въ пустынь сивымъ
оленемъ, не креститъ въ рѣкѣ во Іорданѣ.

Пророкъ Божій, Предтеча въ темницѣ,
Его тѣло одѣяно кровію—гроздію.

И въ село до села не пройдетъ его
голосъ.

Бѣлые цвѣты!

Въ прогалинахъ бѣлой порошицы въ
ночи показалась луна.

Въ зеленыхъ долинахъ на круторогой
Магдалина прядетъ свою пряжу—осен-
нюю паутину—Богородичны нити.

Тихій ангелъ изъ терема залетѣлъ на
луну къ Магдалинѣ.

— О чемъ ты плачешь, тихій ангелъ?

— Какъ мнѣ не плакать, — говоритъ
тихій ангелъ, — моя панна Иродіада свои
дни считаетъ.

Бѣлые цвѣты!

На серебряномъ блюдѣ, полотенцемъ
окрытая, съ тяжелой золотой царской
вышивкой, голова Ивана Крестителя.

Зарная змѣйка съ лютымъ жаломъ
въ ручкахъ царевны.

Острая вспыхиваетъ въ ручкахъ царевны.

И красная изъ проколотыхъ оленьихъ глазъ по бѣлому кровь потекла и не канетъ, течетъ ей на бѣлую грудь прямо въ сердце, въ ея сердце,—ея сердце—криница, не виномъ—огнемъ напоена.

Красна—свѣча вѣнчальная—Иродіада надъ головой Крестителя.

Она дастъ Ему послѣднее въ первый разъ, первое въ послѣдній разъ—цѣлованіе.

Стучитъ сердце, колотится.

Раскрыты губы къ мертвымъ, горячія—къ любимымъ устамъ, — тоска, тоска любви неутоленной, неутолимой—

Стучитъ сердце, колотится.

Отвергнутое сердце.

И очервнѣлись мертвые, зашевелились холодныя губы и вдругъ, отшатнувшись

отъ поцѣлуя, дыхнули изстуженнымъ
дыхомъ пустыни — —

Задрожала гора, вздрогнулъ теремъ,
выбило кровлю, согнулся желѣзный тынъ,
подломились ворота.

Попадали чаши и гости.

Кто куда, какъ попало: царь, царица,
глумцы, скоморохи, кони, волки, кобы-
лы, лисицы, старухи, козлы, турицы,
аисты, туры, павлины, журавли, пѣтухи
и Береза-Коза и медвѣди—

Пусто мѣсто — — — !

Злая вѣдьма, а съ ней ея сестры,
одна другой злѣе, безъ зазора, безъ за-
прета ринулись по черной горѣ прямо
въ теремъ.

И другія червями ползли по черной
горѣ прямо въ теремъ.

Тамъ заиграли волюнку — чортовъ
плясъ.

Шипѣли полосатые черви, растекались, подползали, чтобы живьемъ заѣсть поганого козара—царя Ирода.

Слышенъ ихъ свистъ за семь верстъ.
Въ вихрѣ вихремъ унесло Иродіаду.

*

Красная панна Иродіада—

Несется неудержимо, навѣкъ обращенная въ вихорь — буйный вихорь—
плясавица проклятая и пляшетъ по пустынѣ, вдоль долины, вверхъ горы,—надъ лѣсами, по рѣкамъ, по озерамъ, по курганамъ, по могиламъ, по могильнымъ холмамъ, по могильникамъ — — и раздираетъ черную гору, сокрушаетъ нагорное царство, нагоняетъ на небо сильныя тучи, потемняетъ свѣтъ, крутитъ вѣтры, виритъ волны, валъ на валъ —
—пляшетъ плясея проклятая.

Бѣлая тополь, бѣлая лебедь—

И тѣсно ей, тѣснить грудь, и красный знакъ вокругъ шеи красной огненной ниткой жжетъ, но пляшетъ — — не можетъ стать, не знаетъ покоя, вся сотрясаясь, все сотрясая.

Такъ вѣчно на вѣчно, до скончанія вѣка, на вѣки безконечные.

**О МѢСЯЦѢ И ЗВѢЗДАХЪ И ОТКУДА
ОНИ ТАКІЕ.**

ХРИСТОВА ПОВѢСТЬ.

Модесту Гофману.

Ты видишь тѣ зеленые луга, зеленые съ бѣлыми цвѣтами. Не отъ цвѣтовъ бѣлѣютъ луга, бѣлѣютъ отъ чистыхъ ризъ Господнихъ.

По весеннему полю въ потаенный часъ вечера шелъ Христосъ, а съ нимъ тростинка-дѣвочка, Марія Египетская.

Поспѣшала дѣвочка, цѣплялась пальцами за чистыя ризы, засматривала вечеровыми глазками въ глаза Спасителя.

Допрашивала, пытала святая у Господа Бога:

— Господи Милостивый, отчего это мѣсяцъ, такой и сверкаютъ звѣзды?

Говорилъ ей Господь:

— Непонятливая ты, недогадливая дѣвочка, хочешь испытать меня. А какъ былъ я маленькимъ, сосалъ себѣ палецъ. Съ сосункомъ и спать укладывался. Отучала меня Богородица. А я знай сосу себѣ. Вотъ разъ она и говоритъ мнѣ: «Не будешь трогать пальчика, сотку тебѣ къ празднику золотую рубашку». Бросилъ я пальчикъ, послушался, всего разъ только притронулся и прыгалъ отъ радости: будетъ у меня золотая рубашка! Торными дорогами отправилась Богородица на зеленую тропку къ вратамъ рая, гдѣ стоитъ цвѣтъ солнца, творя судъ надъ цвѣтами, и стала тамъ пряхти золотыя нити. Откуда ни возмись, налетѣли соколы, похитили красные золотую пряжу. Нечего дѣлать. Позвала Богородица Ивана Крестителя: Креститель разыщетъ соколиное гнѣздо и принесетъ ей, а соко-

лѣтъ возьметъ себѣ. Пошелъ Иванъ Креститель искать пропажу, да не долго путешествовалъ, скоро вернулся. «Не могу, — говоритъ, — я это сдѣлать, силъ моихъ нѣту: унесли соколы золотую нить высоко подъ небеса, свили изъ золотой нити гнѣздо — золотой мѣсяцъ, а соколятъ негдѣ взять: понадѣлали изъ нихъ дробныя звѣзды». Вотъ отчего мѣсяцъ такой, и сверкаютъ звѣзды.

— Господи, дай мнѣ одну золотую нитку! — пристала тростинка-дѣвочка, Марія Египетская, и тянетъ за ризу, засматриваетъ вечеровыми глазками въ глаза Спасителя.

— А зачѣмъ тебѣ золотая нитка?

— А я въ коску вплету.

И, подумавъ мало, прорицающа судьбу святой, сказалъ Господь:

— Будетъ тебѣ золотая нитка.

Блестѣлъ золотой мѣсяцъ, сверкали
дробныя звѣзды.

Ты видишь тѣ сѣрыя горы, не по
себѣ онѣ сѣрыя, сѣры отъ дѣлъ чело-
вѣческихъ.

Тамъ ангелы, приставленные къ лю-
дямъ, столпились на Западѣ. Такъ и
всякій день по захожденіи солнца они
идутъ къ Богу на поклоненіе и несутъ
дѣла людей, совершенныя отъ утра до
вечера, злыя и добрыя.

ГНѢВЪ ИЛЫИ ПРОРОКА,

**ОТЪ НЕГО ЖЕ СОКРЫЛЪ ГОСПОДЬ ДЕНЬ
ПАМЯТИ ЕГО.**

М. А. Кузьмину.

Необъятенъ въ ширь и въ даль подлунный міръ—пропастная глубина, высота поднебесная.

Много непроходимыхъ лѣсовъ, непролазныхъ тущобъ и болотъ, много непроплывныхъ рѣкъ, бездонно-бурныхъ морей, много дикихъ горбатыхъ горъ громоздится подъ облаки.

Страшны безтропныя поприща, — труденъ путь.

Но труднѣе самаго труднаго тѣсный, усѣянный колючимъ терніемъ путь осужденія — въ пагубу.

На четвертомъ разжженно-синемъ небѣ за гибко-ствольнымъ звѣрнымъ вязомъ

съ тремя враждующими звѣрями: гордымъ орломъ, лающей выдрой и желтой змѣей, за бушующей рѣкой Окіяномъ, черезъ мутную долину семи тяжелыхъ мытарствъ къ многолистной высокой вербѣ и, дальше по вербному перепутью, къ развѣсистой яблонѣ, гдѣ течетъ источникъ забвенья, — тамъ раздѣлъ дороги.

Подъ бѣловерхой яблоней съ книгой Богородица и святой апостолъ Петръ съ ключами райскими. Записываетъ Богородица въ книгу живыхъ и мертвыхъ; указуя путь странствующимъ, отрѣшеннымъ отъ тѣла, опечаленнымъ душамъ.

Весела и радостна прекрасная цвѣтущая равнина, словно огненный потокъ, въ василькахъ.

И другая печальная въ темныхъ печальныхъ цвѣтахъ — безъ возвращенія.

Не весело лѣто въ преисподней.

Скорбь и скрежетъ зубовный поѣдаютъ грѣшниковъ во тьмѣ кромѣшной. И кровь замученныхъ, изстрадавшихъ отъ міра свою земную жизнь, кровь мучениковъ проступаетъ — приходитъ во тьму — въ эту ночь, какъ тать. Нежданная и забытая точитъ укоромъ, непоправимостью, точетъ червемъ неусыпаемымъ.

Въ безднѣ безднѣ геенны зашевелился Звѣрь. Злой и лютый угрызаетъ отъ лютоści свою конскую пятау; содрогаєсь отъ боли, выпускаетъ изъ чрева огненную рѣку.

Идетъ рѣка — огонь, идетъ, шумя и воя, устрашая адъ, несетъ свою волну все истребить. И огонь разливается, широколапый перебираетъ смертоносными лапами, пожирая все.

Некуда бѣжать, негдѣ схорониться.
Нѣтъ дома. Нѣтъ матери.

Изгораютъ виновныя души. Припадають истерзанныя запекшимися губами къ льдистымъ камнямъ, лижутъ въ изступленіи ледяные заостренные гольши, лишь бы охладить воспаленныя внутренности.

Архангелъ. Грозный — — явился не облегчить муки, Грозный — — сносить свой неугасимый огонь, зажигаетъ ледяные камни — послѣднее утоленіе.

Загораются камни.

Тають послѣднія надежды.

И отыniająть кольцомъ, извиваются, свистятъ свирѣпыя холодныя змѣи, обвиваютъ холоднымъ удавомъ, источая на изрѣзанные огнемъ, разсѣченныя камнемъ рты свой ядъ горькій.

Земля!

Ты будь мнѣ матерью. Не торопись
обратить меня въ прахъ!

* * *

Вышелъ Іуда изъ вратъ адовыхъ.

Кинутый Богомъ въ преисподнюю —
осужденъ навсегда торчать у самого
пекла — неизмѣнно видѣть одни и тѣ
же страданія — безнадежно — презрѣн-
ный — забытый Богомъ Іуда.

Не обживешься. Прогоркло. Беретъ
тоска. И дьявольски скучно.

Слѣпой старичекъ привратникъ позе-
ленѣвшими губами жевалъ ржавую хри-
стопродавку, смачивалъ огненной слю-
ной разрѣзные листья проклятой про-
стрѣлъ-травы.

Іуда подвигался по тернистому пути.
Темные цвѣты печальные томили Божій

день. Не попадалось новичковъ. Безлюдье. Какіе то два чорта безъ спины съ оголенными раздувающимися синими легкими, дурачась, стегали другъ дружку крапивою по живымъ мѣстамъ. И опять некошныя: бѣсъ да бѣсиха. Больше никого.

Странно! У яблони, гдѣ вѣчно толпами сходятся души и стоитъ шумъ, было тихо. Три несчастные заморыша, подперевъ кулаками скулы, на корточкахъ, наболѣвшими глазами съ лиловыми подтеками отъ мытарскихъ щипковъ застывшие смотрѣли куда-то въ ползучій отворотный корень яблони, уходящій въ глубь — въ бушующую рѣку Окіанъ. Да сухопарая, не попавшая ни въ адъ, ни въ рай, зѣвала душа равнодушно уставшимъ зѣвать квѣлымъ ртомъ.

Склоненная пречистымъ ликомъ надъ книгой живота и смерти опочивала

утомленная Богородица, а объ руку, окунувъ натрудившіяся ноги въ источникъ забвенія, спалъ святой апостолъ Петръ блаженнымъ сномъ крѣпко.

Свѣсившіеся на боку на золотой цѣпочкѣ золотые ключи сіяли безподобнымъ свѣтомъ, — глазъ больно.

Ни ангела, ни архангела,—какъ въ воду канули. Купаться пошли безплотные, отдыхали ли въ благоуханіи или разомъ всѣ улетѣли къ широколистной вербѣ на вербное перепутье, чтобы тамъ задержать изъ мытарствъ странниковъ — не беспокоить Богородицу, — Богъ ихъ вѣдаетъ.

Походилъ Іуда по жемчужной дорожкѣ вокругъ Богородицы, заглянулъ въ раскрытую тяжелую книгу, хотѣлъ дерзновенный отъ источника умыться, но свернулась подъ его рукой, не поддалась

голубая вода, — очернила ему кончики пальцевъ.

Отошелъ ни съ чѣмъ.

Повзиралъ на яблоню. Сшибъ себѣ яблоко. Покатилось яблоко къ ногамъ Петра. Полѣзъ доставать. Ухватилъ наливное-райское, не удержался зломудренный—за одно и ключи ухватилъ.

Съ золотыми ключами теперь Іудѣ всюду дорога.

Всякій теперь за Петра приметъ.

Легко прошелъ Іуда васильковый путь; подшвыривалъ яблоко, подхватывалъ другой рукой, гремѣлъ ключами.

Такъ добрался злонаправный до райскихъ вратъ.

И запѣли золотые ключи, — пѣли райскіе, отворяли врата.

Дѣло сдѣлано.

Забралъ Іуда солнце, мѣсяцъ, утреннюю зарю, престолъ Господа, купель

Христову, райскіе цвѣты. Крестъ и Муро, да съ ношей въ охалку тѣмъ же порядкомъ прямо въ адъ—преисподнюю.

И наступила въ раю такая тьма, хоть глазъ выколи, ничего не видать.

А въ аду такой свѣтъ, такъ ясно и свѣтло, даже неловко.

Вылѣзъ изъ бездны безднъ гееннскій Звѣрь, засѣлъ на престолъ Господа, вывалилъ окаянный свои срамныя вещи, разложилъ богомерзкія по древу Честного Креста.

Изъ Христовой купели пищалъ паршивый бѣсенокъ, тужился какъ можно больше нагадить.

Плясали черти въ вѣнкахъ изъ райскихъ цвѣтовъ, умащались муromъ, покатывались горохомъ отъ хохота. Щелкали черти райскіе орѣхи, заводили, богохульные, свои вражьи пѣсни.

Плясали съ ними грѣшники: лакомы, лжецы, завистники, гнѣвные, чревобѣсные, убійцы, сквернословы, ябедники, грабители, плясуны, сребролюбцы, обидчевые, лицемѣры, пьяницы, тати, разбойники, душегубцы, богоотступники, еретики, гордые, немилостивые, кощунники, сластолюбцы, клеветники, блудники, блудницы, чародѣи и судіи неправедные, цари нечестивые, архіереи, діаконы, начальники, скотоложцы, скотоложницы, рыболожцы, рыболожницы, птицеложцы, птицеложницы и всякій женскій полъ, безчинно убѣляющій лицо свое.

И плеща другъ друга по ладонямъ, плясали всѣ семьдесятъ семь недуговъ и всѣ сорокъ болѣзней съ хворью, хилью, немочью, повальныя, падучія, трясучія—рѣзь, грызь, ломота, колотье.

Плясали черти, грѣшники, перевива-

лись съ холерой, чумой, моровой язвой, съ болячкой, нарывомъ, огневикомъ, мозолью, килой, опухолью, и съ вередомъ и съ чирьями, перевиваясь, топали да подпрыгивали.

Сама Смерть кувыркалась безсмертная.

Распалялся Звѣрь. Трещаль Крестъ подъ пудовыми богомерзкими вещами. Здоровья, какъ кость, распухали срамныя вещи. Вставая, мерзили.

И творилось бѣсованіе, лихое дѣло.

Темъ. Ни зги. Въ полѣ сива коня не увидишь. Ночь на небесахъ.

Пробудилась Богородица. Проснулся святой апостолъ Петръ. Не можетъ Богородица ни книгу чести, ни въ книгу записывать. Нѣтъ у апостола ключей райскихъ.

Плутають души, вызываютъ потерянные.

Шалыми летаютъ ангелы, натыкаются, божіе, теряютъ перья пречистыя, разбиваютъ свои серебряные вѣнчики.

Лѣзутъ черти. Забираются на яблоню, шелушатъ золотыя яблоки, топчутъ копытами заливной лугъ, оставляютъ слѣды по жемчугу, напускаютъ нечистаго духа въ Оиміамъ кадилаицы, пакостятъ на ризы и крылья ангеламъ, наставляють рожки непорочнымъ женамъ, придѣлываютъ хвосты святымъ угодникамъ.

И сошлись со всѣхъ райскихъ обителей и прохладныхъ кущъ всѣ святители и угодники, чудотворцы, святые мученики, великомученики, блаженные, присноблаженные, печальники, страсто-терпцы, заступники усердные, лики праведныхъ женъ, лики царей милостивыхъ, благоразумные разбойники и пророки и апостолы.

Спрашиваетъ Господь:

— Кто возьмется изъ васъ, преподобныхъ, принести мнѣ похищенное?

Молчать угодники и всѣ святители. Повѣсили носы: страшенъ всѣмъ Іуда, держащій ключи райскіе, не охота преподобнымъ платиться боками — люты козни дьявольскія.

Лишь одинъ вызывается Илья Пророкъ.

Ожесточено сердце Пророка.

Лживымъ навѣтомъ нѣкогда увлекъ Діаволъ Илью къ убійству отца и матери.

Ожесточено сердце Пророка, хочетъ мстить.

— Дай мнѣ, Господи, громъ Твой и молнію, я достану похищенное, я истреблю въ конецъ родъ бѣсовскій.

— Молодъ ты и не силенъ,—говоритъ Господь,—не по тебѣ такое оружіе.

И воскликнулъ Илья:

— Господи, я отъ моря поднялъ облако, сдѣлалъ небо мрачнымъ отъ тучъ и вѣтра, низвелъ большой дождь; я словомъ останавливалъ росу, я насылалъ засуху и голодъ, устрашая царя Ахава, сына Амврiя. Я на горѣ Кармилъ передъ лицомъ четырехсотъ пятидесяти пророковъ Вааловыхъ и четырехсотъ дубровныхъ гордой Iезавели, посрамляя Баала, низвелъ на тельца огонь, — и огонь пожралъ всесоужженiе, и дрова, и камни, и прахъ, и поглотилъ воду во рву. И еще разъ я свелъ огонь и попалилъ пятидесятниковъ царя Охозiи, сына Ахава, посрамляя Веельзевула, идола аккаронскаго. Господи, не Ты ли въ пустынѣ у горы Хорива звалъ меня, и не въ вѣтрѣ, не въ землетрясенiи, не въ огнѣ, но въ вѣянiи тихаго вѣтра я слышалъ Тебя? И въ пустыню къ Iордану Ты послалъ за мной огненную ко-

лесницу и коней огненныхъ, Ты меня
взялъ къ себѣ — —

Молчать угодники и всѣ святители.
Дуютъ въ усъ.

Милосердъ владыка Господь—не по-
пуститъ Онъ раба своего.

Даетъ Господь Ильѣ Пророку громъ и
молнію.

* * *

Грохочетъ громъ, трещать нещадныя
стрѣлы, гремитъ преисподняя.

Испепеленъ адъ, разгромленъ Іуда
скованъ цѣпями.

Отнята добыча. Погасъ въ аду свѣтъ.
Прикончилась пляска. Скрючились черти.
Ночь.

На небесахъ солнце, на небесахъ мѣ-
сяцъ и утренняя заря, престолъ Господа,
купель Христова, Крестъ и Мѣро.

Грохочетъ громъ, трещатъ нещадныя стрѣлы, гремитъ преисподняя.

Громомъ стучать колеса,—на летучихъ огненныхъ коняхъ отъ края въ край бороздитъ колесница.

Хлопаетъ, бьетъ бичъ, стучитъ молоть, скользятъ, колютъ копья, колотитъ каменная палка.

Мститъ ожесточенное сердце.

Подбитые, подстрѣленные низвергаются діаволы, падаютъ черти.

И корчится небо отъ огней, какъ корчится въ огнѣ береста.

Горитъ огненнымъ шаромъ—перебрасывается красная шапка; встаетъ крыльями, прорѣзаетъ твердь огненная мантия; кровавымъ парусомъ носится огненная рубаха; сверкаютъ огненные очи; неотвратимыми стрѣлами развѣвается синяя

борода, и сѣчетъ и сѣчетъ синій пла-
менный мечъ.

Обвивается небо пламеннымъ зміемъ.

Трещать небесные своды, лопаются
небо.

Мститъ ожесточенное сердце.

Злыми щенками мчатся за колесницей
души дѣтей, рожденныхъ по смерти отца,
и, воя и кусая, грызутъ попавшихся
діаволовъ.

И души цыганъ не успѣваютъ масте-
рить изъ снѣга свой зернистый градъ;
мѣрами разсыпаются острия градины.

Травитъ Илья окаянныхъ.

Хлопаетъ, бьетъ бичъ, стучитъ мо-
лотъ, скользятъ, колютъ копыя, коло-
титъ каменная палка.

Падаютъ черти на землю, прячутся
въ гадовъ, въ змѣевъ, за спины людей,

въ кошекъ, собакъ, подъ шляпки яру-
екъ.

Встають вѣтры; вѣетъ злое повѣтріе.
Гонятся дикія молніи.

Обезумѣли тучи, бѣгутъ за вѣтромъ.
И другія безумныя пруть противъ вѣтра.

Загорѣлись амбары. Горятъ. Сжига-
ются нивы, побиваются градомъ поля,
разоряются пастбища,—скотина въ раз-
бродъ, побѣжали, ревуть, все смѣша-
лось: телята, быки и коровы, овцы, ко-
зы, бараны, ягнята, козлы.

Хлещутъ ливни, валятъ копну за коп-
ной, захлещутъ до корня.

У старыхъ дубовъ открылись ключи
текутъ рѣкой. Разливаются рѣки, сплы-
ваются озера, мутнѣютъ, прогорчаются
воды,—угрожаютъ потопомъ.

Гонятся дикія молніи.

Сорвались, летятъ снесенныя вихремъ
вершины горъ, давятъ долины.

— адъ—преисподняя — тартаръ —
— тартарары —

Содрогнулись стѣны, рушатся церков-
ные купола.

И крестомъ распростертая въ алтарѣ
упрестола черная — убита громомъ
Баба-Яга.

Ты плододавецъ,
Ты надѣляющій,
Ты унимаешь руду-кровь —

Уйми, удержи грозу, положи печать
на облаки, отвори огонь громовый, от-
клони, не направляй на насъ, прости
намъ стрѣлы Твои!

Не погуби —
Помилуй —

Пощади міръ!

Оставь житницы наши, рожь и пше-
ницу, овесъ и просо!

Не погуби —

Помилуй —

Пощади міръ!

— — тартаръ—тартарары — —

Валится лѣсъ.

Двѣ бѣлыя лани изъ лѣса — — па-
даютъ мертвыми.

Хлопаетъ, бьетъ бичъ, стучитъ молотъ,
скользятъ, колютъ копьа, колотитъ ка-
менная палка.

Задавлены пчелы, замоченъ рой. Безъ
листьевъ деревья. Голо орѣшенье. Заду-
шены птицы. Побить скотъ. Ни шер-
стинки. Поломанъ горохъ. Помята ка-
пуста.

Пожжены амбары. Спалило избы.

Таесть змѣиная свѣчка.

Тають вражьи навѣты, напуски, чары,
призоры.

Нѣтъ новаго хлѣба, нѣтъ обновъ.
Погибла крупа. Погибъ солодъ. Не бу-
детъ ни каши, ни квасу. Нѣтъ житья-
бытья, нѣтъ богатства, нѣтъ густой
ужинистой ржи.

Мститъ ожесточенное сердце, мститъ
безъ жалости, безъ милости, беспощадно.

На четвертомъ разжженно-синемъ небѣ
забушевала неслыханная буря.

Гнется гибкоствольный вѣтвистый
звѣрной вязъ, исцарапались звѣри. Гнутся
вѣтви, еле переносятъ убитыхъ на сво-
ихъ зеленыхъ плечахъ.

И тянутся, тянутся, не провитавъ
 близъ земного жилья сорока положен-
 ныхъ дней, черезъ мытарства до вербы,
 по вербному перепутью къ яблонѣ сонмы
 покаранныхъ душъ.

Запружаютъ убитую стопами равнину.

Толчея. Некуда яблоку упасть.

Не успѣваетъ Богородица въ книгу
 записывать; иступилось перо. И вѣсы
 кажутъ невѣрно, согнулись рѣзныя стрѣл-
 ки.

Шаршавый пастушенка Елька ни съ
 того, ни съ чего толчется у яблони, за-
 рится на золотыя яблоки.

И двѣ бѣлыя лани нѣжныя. И Баба-
 Яга. Скаредный духъ. Скотъ безсловес-
 ный.

Приступаетъ Богородица къ Сыну —
 къ Спасу Господу.

Говоритъ Богородица:

— Сыне мой возлюбленный, Иисусе Христе, пощади міръ, уйми Илью: убьетъ онъ всѣхъ.

И бросаютъ ангелы мвро варить, бросаютъ архангелы чистить Христову купель, — пускаются ангелы и архангелы во всѣ концы, летаютъ за колесницей, ловятъ Илью.

Поймать не могутъ.

Прытки кони, шибко мчатся съ края на край.

Сбилась красная шапка, изодрана огненная мантия.

Наступаетъ Архангелъ. Настигаетъ Архангелъ.

И поражаетъ Грозный Грознаго — Илью въ десницу.

Грохочетъ громъ, трещатъ нещадныя стрѣлы, гремитъ міръ, клокочетъ адъ,

зыкомъ потрясается поднебесье, зашатались райскія обители.

Свертывались звѣзды, какъ листья, чернѣли, падали въ темь.

И потащились къ престолу Господню со всѣхъ райскихъ обителей и прохладныхъ кущъ всѣ святители и угодники, чудотворцы, святые мученики, великомученики, блаженные, присноблаженные, печальники, страстотерпцы, заступники усердные, лики праведныхъ женъ, лики царей милостивыхъ, благоразумные разбойники и пророки, и апостолы.

Восплакались преподобные:

— Господи, никакого покою нѣтъ, обуздай Илью, разрушить онъ землю и небо, погубить весь свѣтъ, и намъ не сдобровать!

Прослезилась Богородица:

— Уйми Илью!

И внялъ Всевышній мольбамъ праведныхъ, послушался Пресвятыя Богородицы.

Порѣшилъ Всемогуцій: огненную колесницу и коней, стрѣлы, бичъ, копьѣ, мечъ и каменную палку оставить навсегда у Ильи, навсегда сдѣлать его властителемъ молній и подателемъ дождя, на голову же возложить Пророку камень въ сорокъ десятинъ, десницу его онегодить и на вѣки не открывать день памяти его.

И была великая брань на небеси и на земли.

* * *

Смраденъ часъ, невозможный.

Глубокими, какъ пропасти, устами глоталъ адъ жертвы гибели и вскипалъ смрадомъ.

Въ безднѣ безднѣ, гдѣ родится и плавится огонь, въ гееннѣ — серебряный столбъ, въ столбѣ золотое кольцо; тамъ къ золотому кольцу прикованъ на цѣпи Іуда.

Такъ и будетъ прикованъ на цѣпи, и съ петель на шеѣ до послѣдняго суда не тронется ни на единую пядь изъ ужаснаго пекла.

Бѣсятся бѣсы — завиваются, лохматые, винтомъ свой острый кабаній хвостъ и съ налета, визжа, сверлятъ волосатую блудливую душу.

Зацѣпили за пупъ плясуна и вольнщика, поддержнули на желѣзное гвоздѣ, пустили качаться надъ раскаленными каменными плитами.

Качался плясунъ и вольнщикъ.

Влѣплялись стрѣлы въ изъѣденный коростой языкъ балагура.

Грызъ діаволъ — веревкинъ чортъ
— заячье сердце и лукавое.

Одинъ чортъ безъ спины съ оголенными раздувающимися синими легкими пилить руку охальному писцу.

Желѣзное дерево съ огненной листвою трепетало, осыпались огненные листья; изъ темной рѣки подымался вопль, кличъ и визгъ; змѣи сосали лицо; черви точили раны; двуглавая птица, крича, кружилась, выклевывала глаза; діаволы разжигали желѣзные рога и проицали сквозь тѣло.

Пламя грозитъ, душитъ дымъ, падаетъ горящая смола.

Пискъ, скаканье, сатанинскія пѣсни.

Тамъ плачь неутѣшный.

Мука вѣчная и безконечная.

Земля!

Ты будь мнѣ матерью. Не торопись
обратить меня въ прахъ!

**ОТЧЕГО НЕЧИСТЫЙ БЕЗЪ ПЯТЬ
И О СОТВОРЕНІИ ВОЛКА.**

**СЛОВО ЕГОРІА ВОЛЧЬЯГО ПАСТЫРЯ
НИКОЛЪ УГОДНИКУ.**

Во время оно, въ странствіи по землѣ шли однажды лѣсомъ Егорій да Никола Угодникъ и заблудились.

А ночь была темная, студеная: ни свѣтляка на кустѣ, ни звѣзды на небѣ; и укрыться некуда: шатался по лѣсу Лѣсной Охъ, перекувыркивалъ все, путалъ непутевый.

И порѣшили святые заночевать, гдѣ Богъ привелъ.

Собрали себѣ хвороста и вѣтокъ палыхъ, развели костеръ, да помолившись сѣли у огонька ночь коротать до бѣлой зари.

Такъ, грѣясь, сидѣли святые, гуторя

о промыслѣ Божіемъ и о козняхъ Нечистаго.

И три волка поджарыхъ ютились съ ними у костра, караулили; одинъ волкъ Самоглотъ святымъ варилъ кашу.

Обратился тутъ Никола Угодникъ къ Егорію:

— Расскажи, Егорій, ты—Волчій Пастырь, почему Нечистый твоихъ волковъ боится?

И рассказалъ Егорій Николѣ, почему Нечистый волковъ боится, и откуда сія вся причина.

*

Въ четвертый день помысли Сатана: сотворю себѣ престолъ и буду равенъ Богу.

И очутился въ безднѣ.

И два дня, двѣ ночи, какъ въ гробѣ, пробылъ Сатана въ безднѣ.

Черенъ, что сажа, почернѣли отъ злобы свѣтлыя крылья, и сзади вылѣзъ черныи осклизлый хвостъ, и отъ черныхъ думъ злые пробились сквозь черепъ рога, и все злое, нечистое, чему въ грядущихъ временахъ суждено прожечь всю вселенную и растлить міръ человѣческій и скончать свѣтъ, выжглось на сердцѣ, и сатанинское сердце обросло колючей щетиной и въ необуйной гордынѣ положило мстить Творцу за позоръ свой до послѣдней гибели.

А надъ безднои на тверди ходило великое свѣтило — солнце — и, вечеромъ затмившись, пряталось въ дому своемъ за море, и другое ему на смѣну меньшее — луна — плавало по ночи и съ утренней звѣздой скрывалось въ дому своемъ за горы.

На третьей утренней зарѣ всталъ Сатана изъ бездны.

Былъ день седьмой, — почилъ Богъ отъ дѣлъ своихъ, благословилъ сей день и отдыхалъ.

И вотъ изъ бездны всталъ Сатана посреди Рая и, обозрѣвъ твореніе, уязвился сердцемъ—пожелалъ самому творцомъ быть.

Адамъ по волѣ Бога давалъ въ тотъ часъ имена деревьямъ, травѣ и всякому злаку и звѣрямъ полевымъ и скоту и всѣмъ птицамъ небеснымъ, и которые парами, которые гнѣздами, а которые кустомъ отходили отъ него въ мѣста свои плодиться и множиться.

И посмѣялся Сатана Адаму, что онъ одинъ и безъ помощника, подобнаго ему.

Сказалъ Сатана: сотворю себѣ человека—Адаму жену.

И взявъ глины, началъ лѣпить изъ глины человека—Адаму жену, ибо уже

и въ тѣ времена искалъ онъ, нечистый, черезъ жену погубить человѣка.

Мечталъ Сатана сотворить себѣ чело-
вѣка по образу и по подобію Божиему, а
сердце вложить свое, и тотъ человѣкъ
съ его сердцемъ совратитъ Адама и
тварь всю и ангеловъ, которые соблаз-
нятся о немъ, и тогда все попадетъ въ
царство тьмы, и одинъ онъ тогда надъ
всѣмъ міромъ и Богомъ будетъ господ-
ствовать.

Заносясь такъ въ гордынѣ своей, вы-
лѣпилъ Сатана нѣчто ни на что не подоб-
ное: ни въ дверь пролѣзть, ни въ ка-
комъ иномъ строеніи уставиться.

И пришлось поправлять ему сдѣлан-
ное, а то хоть брось и заново лѣпи. По-
шелъ Сатана стругать неподобное, —
полетѣли стружки во всѣ стороны, и
всякая стружка вылетала изъ-подъ его

нечистой длани мухами, комарами, шершнями, оводами и прочимъ инымъ насѣкомымъ, которое сосетъ, пиявитъ и точитъ, и ничѣмъ отъ него не отобьешься, никуда не схоронишься, — докучная погань, гнусь—твореніе сатанинское.

Между тѣмъ, остругавъ достаточно и найдя ростъ примѣрнымъ, принялся Сатана вдыхать въ глину духъ жизни и дулъ до изнеможенія, — и глина поддалась подъ его дыханіемъ: кости наполнились мозгомъ, въ жилахъ брызнула кровь, и зашевелились члены.

Тутъ, видя ухищренія Сатаны и сострадавая смятенію, какое явилось всему Раю отъ мухи, комара, шершня и овода, пресѣкъ Богъ дѣло погибельное.

Взялъ Богъ жезлъ и, намѣтивъ, ударилъ сатанинскій вытворъ жезломъ по боку.

И тотчасъ сорвался изъ глины волкъ, бросился на Сатану, Сатана отъ него —хотѣлъ Нечистый взлѣзть на дерево, но догналъ его волкъ, схватилъ за ноги и откусилъ ему пяты.

Такъ и понынѣ Сатана и все его воинство безъ пятъ, а волкъ на всю жизнь заклятый ихъ врагъ; отъ Божьяго жезла вонъ и теперь перехватъ цѣлъ.

И боятся ихъ нечистые пуще креста, и гонятся волки за нечистыми, не даютъ имъ пощады.

Кабы не они да не громъ Ильинъ, расплодилось бы безпятыхъ видимо невидимо, и все сокрушилось бы до послѣдняго основанія.

**ВѢЩИЦА, ИМЕНЪ КОТОРОЙ
ДВѢНАДЦАТЬ СЪ ПОЛОВИНОЮ.**

ИЗЪЯВЛЕНІЕ.

Въ Гадоядѣ, въ странѣ стеклянной царствовалъ нѣкогда сильный и могучій царь по имени Гогъ съ царицей Магогой. Родила ему царица шестерыхъ сыновъ и такихъ красавцевъ—заглядѣнье.

Славно царство Гогово, не сосчитать въ немъ богатствъ, золотой казны и скота и тучныхъ нивъ.

Привольны поля хотъ туда, хотъ сюда, хотъ инаково — не окинетъ глазъ; тамъ пахали желѣзной сохой до самаго моря, вышина борозды — цѣлая сажень. А лѣсъ, что въ небо дыра, ни одного деревца кривого въ лѣсу. Завернулись золотые бережки по рѣкамъ и по свѣтымъ озерамъ.

Дивности исполнена стеклянная страна, только было-бъ все по-живу, по-добру да по-здорову.

Такъ и было все по-живу, по-добру да по-здорову: ѣли, пили, кручины надъ собой не вѣдали.

И вотъ въ нѣкое время, какъ снѣгъ на голову, нашло на царство страшное войско комариное, ввалилось въ Гадоядъ, пошло поптоптомъ: хочетъ голодное крови пососать.

Скликнулъ царь князей, бояръ, дружину и всякихъ людей, ударилъ всей силой и одолѣлъ войско комариное, такъ что ни капельки крови не попало въ голодную глотку, а стараго комара, начальника комариного, въ темницу посадилъ заключенную, въ яму глубокую.

И взмолился изъ темницы старый комаръ, говоритъ царю:

— Дай мнѣ твоей крови пососать, а то запечется тѣло твое, что еловая кора, погибнешь самъ, и все твое царство погибнетъ, дай мнѣ твоей крови пососать.

Слыша такія слова и угрозы, разгнѣвался царь, шлетъ палачей, велитъ казнить комара немилостиво.

И день казнятъ и другой казнятъ, — выломали руки, выломали ноги, порютъ грудь по животъ, — три дня казнятъ, не могутъ извести; на третьей вечерней зарѣ извели комара, — погибъ комаръ.

На третьей вечерней зарѣ изъ-за холодныхъ горъ показалась Вѣщица:

— Эй, Гогъ, выведи дѣтей своихъ къ холоднымъ горамъ, зарѣжь дѣтей, нацѣди горячей крови ихъ, помажь голову старому комару, эй царь!

Посмѣялся царь словамъ Вѣщицы,

устроилъ пиръ на весь міръ и пировалъ всю ночь.

А на утро не стало царскихъ дѣтей.

Схватился на утро царь, посылаетъ въ погоню гонцовъ. И вернулись гонцы, не вернули царскихъ сыновъ.

Съ той поры всякой ночью—на молоду и подъ полнѣ, на перекроѣ и на исходе мѣсяца — показывалась Вѣщица изъ за холодныхъ горъ.

И горе тому, на кого упадалъ ея глазъ: она смыкала уздою уста, высасывала душу и только одни оставляла глаза на немилый свѣтъ, на постылую землю.

И горе тому, кто отзывался на ея окликъ: она входила и ложилась въ сердце и щемила сердце невѣдомой тоской, недознаемой грустью, недосказанной кручиной, и

тотъ кручинный съ утра до вечера кид-
ма кидался изъ дверей въ дверь, изъ
воротъ въ ворота, изъ села до села —
на погость.

И горе тому, кто въ напущенномъ
снѣ любилъ съ ней: бросалась она въ
голову, въ тылъ, въ ликъ, въ очи, въ
уста, въ сердце, въ умъ, въ волю, въ
хотѣнье, во все тѣло и кровь, во всѣ
кости и жилы. И думать тому не заду-
мать, спать не заспать, ѣсть не заѣсть,
пить не запить. Тотъ нигдѣ пробыть ужъ
не могъ и мыкался всю свою жизнь,
равно бы червь въ орѣховомъ свищѣ.

Стало все съ толку сбиваться, наста-
ло лихолѣтье, задряхлѣло царство Гого-
во, расползался Гадоядъ; въ коробахъ
да амбарахъ заводились мертвые мыши,
не рожалось младенцевъ, — подкатывала
рожаницамъ порча подъ сердце и лежала
тамъ, какъ пирогъ.

Призывалъ царь колдуновъ.

Страшные колдуны водились въ стеклянной странѣ: знали они порчи временныя, и вѣчныя; временныя, которыя отговариваются заговоромъ, и вѣчныя, которыя остаются до конца жизни. Знали они какъ занимать чертей, — посылали чертей вить веревки изъ воды и песку, перегонять тучи изъ одной земли въ другую, срывать горы, засыпать моря, дразнить слоновъ, которые поддерживаютъ землю, но на такое не могли пойти — не могли осилить Вѣщицы, вернуть царскихъ сыновъ.

Ходилъ царь по указу колдуновъ пѣшкомъ въ Окаменѣлое царство ко Скать-горѣ, ѣлъ тамъ царь пѣну съ заклѣтыхъ гробовъ, силы набирался богатырской, да только по-пусту.

Всякой ночью — на молоду и подъ полнъ, на перекроѣ и на исходѣ мѣся-

ца — клала Вѣщица тѣло подѣ ступу и летала безхвостой сорокой, спускалась въ трубы, похищала дѣтей изъ утробы, а на мѣсто ихъ клала головню либо голикъ либо краюшку. Сама разведетъ огонекъ на шесткѣ, тамъ дите и сожретъ.

И, до зари налетавшись безхвостой сорокой, на зарѣ одѣвала Вѣщица тѣло и за зарю до бѣлаго дня плескалась въ морѣ, пѣла свои вѣщія пѣсни. Кто ее слышалъ, на вѣки становился негоднымъ.

Сидѣлъ царь съ царицей въ золотомъ дворцѣ на двойныхъ запорахъ, за крѣпкими стѣнами да глубокимъ, острыми торчами утыканнымъ рвомъ, ночи не спали—не собилось—горькую думу думали, тужили о потерянныхъ сынахъ своихъ да молили Бога, чтобъ далъ имъ еще дите послѣднее—наслѣдника царству

всему. И услышавъ Господь молитву ихъ, исполнилъ царскую просьбу: въ одну изъ ночей понесла царица.

Не успѣлъ царь отъ радости опомниться, не успѣлъ пиръ отпраздновать, не допилъ турій рогъ сладкаго меда, какъ изъ-за холодныхъ горъ показалась Вѣщица.

— Эй, Гогъ, выведи живьемъ мнѣ къ холоднымъ горамъ царицу твою, эй, царь!

Помертвѣлъ царь, не въ мочь опомниться.

А надъ дворцомъ, напырщивъ перья, красный птичищъ каркалъ чернымъ граемъ.

Собрались тутъ князья, бояре, дружина и всякихъ людей многое множество; вотъ они шушу-шушу и рѣшили: поналечь всей силой, а не дать въ обиду страну—поправиться съ Вѣщицей.

И въ одну ночь построили вдали отъ жилья башню изъ мрамора, оковали ее гвоздіемъ желѣзнымъ и залили оловомъ, такъ что ни снаружи, ни изнутри невозможно проникнуть.

Въ этой башнѣ затворилась царица съ одной старой старухой, которая должна за печками глазъ держать и закрывала бѣ печки каждый вечеръ съ молитвой и плотно, чтобы, какъ ненарокомъ, не залетѣлъ въ трубу Нечистый Духъ.

И все шло хорошо, лучше и не надо въ это страшное лихолѣтье.

Когда пришло время рожать, и родила Магога царевича,—Сисиній, родной братъ Магоги, великій воинъ, побившій много побоищевъ, побѣдитель Пора, царя индѣйскаго, возвращаясь въ Гадодъ, вздумалъ въ ту пору навѣстить

сестру, подѣхалъ ночью къ башнѣ и просится пустить его.

Не хотѣла Магога пускать брата, боялась, не стряслось бы бѣды, но Сисиній повторялъ свою просьбу и молилъ царицу.

Бурная ночь была, всколыбалась сильная вода, сѣкъ дождь до кости, просвистывалъ вѣтеръ всѣ уши, и молнія, бреча, клевала землю.

И вотъ, когда отворились двери, поднялась изъ бури Вѣщица, вошла въ горло коню, проникла съ конемъ въ башню, и въ полночь похитила сына Магоги, умчалась за холодныя горы.

Такъ и не стало царевича.

Растужилась, раскручинилась царица, плакала Магога, жаловалась на брата Сисинія. Крѣпкой тугой ущемленное, сердце неуимчивое проклинали. Сотря-

салась башня отъ вопля и проклятія.

И снова чернымъ граемъ каркалъ краснѣй птичицъ.

Ужъхнулись Гогъ и Сисиній.

Поднявши руки къ небу, стали просить у Бога дать имъ власть надъ Нечистою, поймать ее; и по молитвѣ, сѣвъ на коней своихъ, погнали черезъ пропасти за холодныя горы.

Вотъ они гонятъ три зари безъ усталы, — взмылены кони, не напоены; на третьей зарѣ напалъ на Сисинія глубокий сонъ. И ѣдутъ они въ рознь: Гогъ впереди, Сисиній за нимъ въ глубокомъ снѣ.

Шагомъ проѣхали много длинныхъ верстъ, стало ужъ солнце за лѣсъ заходить, стала туманами ночь заволакивать пустынный путь, и взбѣсился вдругъ

конь подъ царемъ, бьетъ копытомъ, дрожитъ, нейдетъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ бѣшенѣй.

И видитъ царь сквозь туманы бабу на болотѣ, бултыхается баба, молитъ о спасеніи.

Ударилъ Гогъ коня, направилъ прямо на болото, хватъ бабу, и вытащилъ.

А баба вдругъ и говоритъ:

— Я не баба, я смерть, прощайся съ кѣмъ хочешь.

И сталъ царь просить и молитъ Смерть пощадить его:

— Было у меня царство и обилѣе всего, жилъ я, не тужилъ, — все прахомъ пошло, было у меня шесть сыновъ, въ одну ночь погибли всѣ, народился послѣдній сынъ—царству наслѣдникъ, и его не стало...

Не приняла Смерть моленья пустыннаго, ничего не отвѣтила.

Слѣзъ царь съ коня, сталъ передъ конемъ на колѣни. И конь на колѣни сталъ.

Тутъ надоѣло Смерти ждать, скосила она голову царю и, взывъ, пошла по болоту въ поле-поляну къ шелому окатному въ свои чертоги.

Проснулся Сисиній, кличетъ царя, а царь мертвъ, не можетъ подать голоса, и царскій конь въ болотѣ по губы, не можетъ выдраться.

Повздыхалъ Сисиній, чуднымъ образомъ помолился и, боднувъ коня, поскакалъ одинъ въ путь.

Путь полунощный — путь на девять зорь по тремъ тропамъ за холодныя горы.

За холодными горами подъ травой

красной, бѣлой и черной, подѣ мозгами дѣтей—бѣсное гнѣздо Вѣщицы.

Такъ проѣхалъ Сисиній безъ отдыха на своемъ наступчативомъ конѣ три за-ри и видитъ, идетъ по пустынѣ нѣкая женщина: она шла по пустынѣ, блеща огнемъ, длинные до пятъ волосы крыльями горѣли за ней, и отъ всего тѣла ея пыхало пламенемъ...

— Кто ты, откуда, и какъ имена твой?—крикнулъ Сисиній Діаволу.

— Я крыло Сатанино, я—Вѣщица,—и, захлебнувъ глазами Сисинія, прожгла его насквозь, такъ что золото расплавилось на немъ.

Тогда Сисиній, вздернувъ коня, схватилъ ее со всего плеча за волосы и, сбивъ въ мячъ, сталъ бить и колоть ее, требуя выдать царскихъ сыновъ.

Она же завопила гласомъ великимъ, прося отпустить бить ее, но Сисиній

наносилъ ей ударъ за ударомъ и съ каждымъ ударомъ давалъ ей по три тысячи ранъ.

— Я пожрала ихъ,—воскликнула Вѣщица.

— Такъ изрыгни.

— Изрыгни сперва на ладонь матернее молоко, которое ты сосалъ.

И, помолившись, Сисиній исполнилъ: изрыгнулъ на ладонь матернее молоко.

Тогда, пораженная чудомъ, сдалась Вѣщица,—изрыгнула всѣхъ семерыхъ царевичей, сказала Сисинію:

— Клянусь тебѣ, святыи Божій, кто напишетъ двѣнадцать съ половиною именъ моихъ и будетъ при себѣ носить, тотъ избавится отъ меня, и не войду я въ домъ того человѣка, ни къ женѣ его, ни къ дѣтямъ его, пока будетъ стоять небо и земля во вѣки. Аминь.

— Скажи же, проклятая, имена твои!

— А имена мои суть: Мора, Ахоха, Авиза, Пладница, Лекта, Нерадостна, Смутница, Бѣсица, Преображеница, Изъѣдущая, Полобляющая, Негрызущая, Голяда. — — —

Тутъ сія исторія конецъ воспріяла.

О СТРАСТЯХЪ ГОСПОДНѢХЪ.
ТРИДНЕВЕНЪ ВО ГРОБѢ.

На Голгоѣѣ, на эдемской могилѣ Адама, водрузили древо Познанія, и пуста голова—первая человѣчья кость легла въ основаніе подѣ крестѣ Сына человѣческаго.

Посѣянное рукой Сатанаила, когда Богъ насаждалъ рай на землѣ, открывшее глаза человѣку на добро и зло въ грѣхопадѣніи, увѣнчавшее вѣткой мертвое чело Адамово, выросло оно древомъ Спасенія—Крестомъ Спасителя.

Распяли Его на крестѣ леванитовомъ, прибивали Его по пятамъ и ладонямъ гвоздями желѣзными, одѣвали въ рубашку зеленую изъ зеленой крапивы, опоясывали поясомъ изъ боярышника, пере-

вязывали хмелемъ и ожиною, пробивали копіемъ ребро Его, забивали подъ ногти иву—согрѣшившее дерево, а на голову клали вѣнокъ изъ шиповъ и терніевъ.

Гдѣ гвозди вбивали, тамъ текла кровь, гдѣ вязали поясомъ, тамъ лился потъ, гдѣ клали вѣнокъ, тамъ сыпались слезы.

Проходившіе мимо, покивая головами, злословили:

— Разрушающій храмъ и въ три дня созидающій! спаси себя. Если ты сынъ Божій, сойди со креста.

— Другихъ спасалъ, а себя самого не можетъ спасти. Если онъ царь Израилевъ, пусть теперь сойдетъ со креста, и увѣруемъ въ него.

— Уповалъ на Бога, пусть теперь Богъ избавитъ его, если онъ угоденъ Ему. Ибо онъ сказалъ: я—Божій сынъ.

— Радуйся Царь Иудейскій!

Несмѣтные полки демоновъ и полчища темныхъ бѣсовъ собирались съ полдня и полночи; слетались съ восхода и заката солнечнаго на Палачъ-гору Голгоескую ко Христу распятому.

Бѣлый, какъ бѣлый снѣгъ, плакалъ мѣсяцъ, и въ слезахъ омраченное закрывалось солнце, и отъ темныхъ демонскихъ крыльевъ погасалъ на землѣ бѣлый свѣтъ.

И была тьма по всей землѣ отъ шестого часа до часа девятого.

Искривленными кровавыми очами смотрѣли демоны въ измученный ликъ Христа, держали въ рукахъ огромные свитки—исписанныя хартии грѣхомъ человѣческимъ отъ перваго дня до послѣдняго, и отвивали ихъ, и конца имъ не было.

Заслышавъ столь тяжкія кровавыя преступленія, явились со всѣхъ концовъ страшные немилосердные ангелы: лица искаженные отъ ярости, зубы выше рта, глаза, какъ звѣзды, а изъ устъ пламя. Это ангелы, которые приходятъ за душами невѣрныхъ людей, чтобы вести ихъ на муки превѣчныя. Этихъ ангеловъ была тѣма темъ, ибо грѣхи были неисчислимыя, всѣ—отъ начала міра и до конца его.

Разбойники, распятые со Христомъ по правую сторону и по лѣвую, не вынося муки крестной и не чая спасенія, поносили Его, какъ обманщика.

А у подножія, у залитой кровью головы Адамовой, гремѣло оружіе: мытарскіе мечи, ножи, пилы, серпы, стрѣлы, сѣчива кознодѣйствовали. Они расторгали составы изможденнаго тѣла, отсѣкали ноги, потомъ руки, и, вновь ожи-

вивъ, пригвождали, и выдергивали макровые листочки съ кровавыхъ ранъ и дьявольскимъ соленымъ языкомъ облизывали истерзанныя раны.

Одинъ гуселазый безшорстной свиньей поднялся демонъ къ самому лику и, поднеся великую чашу полную горечи, далъ Ему пить.

И, выпивъ чашу до дна, возопилъ Иисусъ громкимъ голосомъ:

— Боже мой, Боже мой! для чего Ты оставилъ меня?

Тогда отъ облацѣвъ сѣверьскихъ назовъ Покинутаго, Принявшаго грѣхи міра, поднялся съ престола въ девятый часъ Сатанаилъ—князь тьмы, и соколъ—кологривый конь, какъ вѣтеръ, какъ громъ, какъ молнія, умчалъ Его ко кресту Сына Божьяго.

Сворохнувшись, взвихнули вихри—орлы, помахомъ подняли прахъ по путямъ

затряслись горы, заметались глубины, оболелѣялись волны водѣ, улились изливовы, не уходиться—не уполошатся, и небеса, свившись какъ свитокъ прорѣзались адовымъ пламенемъ и, всколыбнувшись, горѣла земля, какъ желѣзо.

— Радуйся Царь Іудейскій!

Сталъ Сатанаилъ передъ Крестомъ и смотрѣлъ на Христа, и со Креста, поднявъ тяжелыя вѣки, смотрѣлъ на Сатанаила Христосъ.

Другъ противъ друга, какъ царь и рабъ, какъ братъ и врагъ, какъ царь и царь, какъ братъ и братъ, какъ врагъ и врагъ, какъ спаситель и покинутый, перекрещивались глаза ихъ.

И вся поднебесная повергнулась ницъ отъ ужаса и трепета въ этотъ грозный часъ.

А Она, скорая, шла отъ синяго моря, отъ земли незнаемой, шла по полю, зе-

ленной травѣ, по бродучему слѣду, зяблымъ овсамъ черезъ ржаныя нивы молодая жена—Смерть прекрасная.

Не просилась, потихоньку раздвинула желѣзную тынь, не оступилась; Она взошла на Палачъ-гору Голгоескую ко Христу распятому, обняла его голову:

— Помяни мя Господи, егда придеши во Царствіе Твое!

И, преклонивъ голову, Иисусъ предалъ духъ.

* * *

Вечеромъ того же дня пришелъ къ Пилату нѣкій богатый человѣкъ изъ Аримоеи, именемъ Іосифъ, и другой, Никодимъ — оба тайные ученики Христовы, и просили Пилата взять тѣло Иисусово. Пилатъ позволилъ.

И, взявъ тѣло и обвинивъ чистою плащаницей съ благовоніями, положили

Его въ саду въ новомъ гробѣ и, прибавивъ большой камень къ двери гроба, удалились.

Когда замерли послѣдніе человѣчьи шаги, и воины, перебившіе голени у распятыхъ разбойниковъ, покинули Голгоу, и мертвые, возставшіе изъ гробовъ, разбрелись по улицамъ въ безсонную ночь, — гоготъ, гвалъ, гремъ, стукъ, скокъ, сваръ потрясли міръ неистовствомъ, и садъ обратился въ бездну безднъ геенскую, ибо самъ Сатанайлъ — князь тмы пребывалъ тамъ съ великимъ своимъ воинствомъ.

Демонской силой Онъ отвелъ глаза человѣкамъ и всей подлунной, погрузилъ души ихъ въ бѣсовскій сонъ, и темный бѣсной сонъ сковалъ вселенную ужасными видѣніями.

Вскликнулись, взбросились бѣсы, совлекли со Христа плащаницу, раздѣлили

пречистое тѣло: плоть — землѣ, кровь — огню, кости — камню, дыханіе—вѣтру, глаза—цвѣтамъ, жилы—травѣ, помыслы—облакамъ, потъ — росѣ, слезы — соленому морю, и, развѣявъ благовонныя масти, растлили останки. Звучало, бучило злое море дьяволовъ. Кишѣли, тѣшились ехидные, свирѣпые—сила несмѣтная изъ темныхъ ямъ—шелудяки, поползни, борообрющи, уродье, горбоногіе и творили беззаконство, топча и лягая, насильничая и надругиваясь.

Куски бездушнаго мяса, прогноившись, смрадомъ наполнили гробъ.

И вотъ въ полночь съ шумомъ открылось все небо, и вспыхнуло надъ землею ярое солнце, какого никогда не бывало.

Выволокли демоны тѣло Христово изъ новаго гроба и, убравъ Его въ дорогіа

царскія одежды, вознесли на высочайшую гору на престолъ славы.

И тамъ на вершинѣ у подножія престола всталъ Сатанаилъ и, указуя народамъ подлунной—всѣмъ бывшимъ и грядущимъ въ вѣкахъ—на ужасный трупъ въ царской одеждѣ, возвѣстилъ громкимъ голосомъ:

— Се Царь вашъ!

А съ престола на метущіяся волны головъ и простертыя руки смотрѣли оловяныя огромныя очи бездушнаго разложившагося тѣла. И въ яркомъ свѣтѣ—въ этотъ внезапный ясный день, яснѣе и свѣтлѣе всѣхъ дней, видно было, какъ распадались составы, и подъ одеждой колебалось затхнувшее мясо и, вмѣсто отвѣта на мольбы и вопли, лебедями гоготала забродившая гниль раздувшейся утробы.

Отчаяніе стягивало пространства и казалось, мѣра землѣ — четыре шага.

Изъ страны въ страну, изъ земли въ землю, выметывая раздолья, сквозь поля и луга, по городамъ, прорѣзая толпы всѣхъ временъ и народовъ и царствъ, неслась на борзыхъ коняхъ колесница, и въ колесницѣ—скелетъ въ терновомъ вѣнцѣ.

— Се Царь вашъ!

И замглились свѣтлыя одежды народовъ, смѣхъ перелился въ плачъ, падали люди, умирая другъ съ другомъ, и охватившись братъ съ братомъ, и дитя умирало на колѣняхъ матери, а мать охватившись съ дочерью.

Отъ крика и стenanія погнулась земля, разсѣлись неплодные камни, разверзлись великія пропасти, и восплакалось море, и рѣки, и вся глубина и преисподняя.

Тогда высоко, въ удольнемъ мѣстѣ надъ ярымъ солнцемъ, въ яркихъ лучахъ послѣднимъ обѣтованіемъ возникъ на небеси Крестъ, а на Крестѣ пригвожденъ безобразный истерзанный трупъ.

Возсѣдая на крыльяхъ вѣтряныхъ, Сатанаилъ дунулъ въ Крестъ—и Крестъ съ трудомъ обратились въ прахъ.

— Се Царь вашъ!

И не осталось вольнаго воздуха, изсякли источники, деревья отъ смрада сбросили листья, солнце померкло, и злоба изъѣла земную кору.

Такъ два дня, двѣ ночи безумствовалъ Сатанаилъ вселяясь на сердца, на тайныя, зажигая мятежъ, отравляя сердца отчаяніемъ.

* * *

Жестокій сумракъ безлунный безмолвіемъ облекъ городъ. Мертвые бродили

по дворамъ, стучались въ двери, и, какъ въ дни мора, люди не смѣли выходить изъ домовъ, а на безлюдныхъ улицахъ являлись всадники, и лица ихъ не были видны, и кони ихъ не были видны, лишь мелькали копыта коней. И по безлюдью съ пустынной Голгоѣы отъ Креста разносился по міру плачъ Богородицы.

Сердце у матери ужаснуло,—трепетается, голова вкругъ обходитъ, языкъ мѣшается, и очима не можно ей на свѣтъ глядѣть.

— Встань, проснись, вскинь свои очи, промолви... Крѣпко спишь, не проснешься. Ты скрѣпилъ свое сердце крѣпче горячаго камня, нигдѣ тебя не завижу... Трудно мнѣ—возьми меня!..

А рядомъ съ Богородицей на Палачъ-горѣ Голгоѣской, поклонивъ ко Кресту голову—молодая жена, и до разсвѣта

третьяго дня, какъ встать зарѣ и взойти воскресшему солнцу и Ангелу явиться отвалить отъ гроба камень—настать Христову дню—Пасхѣ, Она не отходила отъ Креста—неутолимая Смерть прекрасная.

— Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствіе Твое!

ПРИМѢЧАНІЯ.

О БЕЗУМИИ ИРОДІАДИНОМЪ—КАКЪ НА ЗЕМЛѢ ЗАРОДИЛСЯ ВИХОРЬ.

Повѣсть состоитъ изъ рождественской колядки и вертепа: Плясъ Иродіады. Въ Сибири есть обычай колядовать съ вертепомъ: сначала колядуютъ, потомъ представляютъ «Плясъ Иродіады». Такъ и эта повѣсть. Начинается она колядкой про Рождество Христово, поклоненіе волхвовъ, избіеніе младенцевъ. Хоръ подхватываетъ колядскимъ припѣвомъ: «Бѣлые цвѣты». Затѣмъ открывается вертепъ. Ряженые музыканты берутся за музыку. Иродіада пляшетъ. Занавѣсъ опускается. Снова выступаютъ колядовщики: рассказывается объ усѣкновеніи головы Ивана Крестителя. Хоръ подхватываетъ колядскимъ припѣвомъ: «Бѣлые цвѣты!» Занавѣсъ подымается: несутъ голову

Ивана Крестителя. Ряженые музыканты берутся за музыку. Иродіада выкальываетъ Ивану Крестителю глаза и намѣревается поцѣловать голову. Голова оживаетъ. Все рушится. Музыка играетъ. Вертепщикъ рассказываетъ злополучный исходъ повѣсти Иродіадиной.

Устройство вертепа: прямоугольный ящикъ въ ширину, глубину и высоту по аршину съ чѣмъ нибудь. Передняя стѣнка открывается и опускается внизъ во время предствленія. Верхъ сведенъ конемъ съ рѣзбой. Снаружи лубочныя картинки; тутъ подходящи «возрасты человѣческой жпзни». Внутренность богатая. Стѣны и потолокъ оклеены золотой и серебряной бумагой. По бокамъ и вверху подвѣшены разноцвѣтные фонарики для освѣщенія сцены. Полъ покрытъ чернымъ мѣхомъ, чтобы скрыть движенія куколъ на проволокахъ. У задней стѣны, по срединѣ, стоитъ разукрашенный тронъ царя Ирода со ступеньками. Около трона по сторонамъ воины въ полномъ вооруженіи. Въ правомъ углу отъ зрителя сдѣланъ вертепъ съ новорожденнымъ Младенцемъ и надъ нимъ повѣшена возсіявшая звѣзда. Когда приходитъ время всему провалиться, вертепъ съ Младенцемъ закры-

вается занавѣской. Въ правомъ и лѣвомъ боку прорѣзано по двери, въ которыя подъ конецъ влетаетъ вѣдьма съ сестрами и наползають черви.

Когда вѣдьмы пляшутъ, а черви ѣдятъ царя Ирода, для пущаго страха можно пустить Чорта: онъ обшить черной овчиной; ротъ, носъ, глаза и уши красные; при рогахъ и при хвостѣ.

Красная кумачная занавѣска закрываетъ представленіе.

Время вертепнаго дѣйства—навечеріе новолѣтія—щедрая кутья Васильева вечера, когда, какъ говоритъ повѣрье, счастье разливается по свѣту.

Приуроченіе усѣкновенія главы Ивана Крестителя къ святкамъ допустимо повѣрьями и народными обычаями. Извѣстны два Ивана: лѣтній (24 іюня) и зимній (27 декабря)—последній хоть и не Креститель, а Богословъ, но на это не смотрятъ. Оба Ивана приходятся на повороты солнца—важные переломы народного земледѣльческаго года: 24 іюня (Рождество Ивана Крестителя)—купальскіе огни, 27 декабря (Иванъ зимній)—рождественскіе огни.

Правда, настоящее усѣкновеніе главы (29-сентября) держится крѣпко, но это день пост-ный, проходитъ келейно и скучно, съ него взять нечего. Къ этому же времени къ концу святокъ подходитъ празднованіе памяти избіенія младенцевъ (28, 29 декабря). Кромѣ того, празднованіе Рождества и Крещенья до IV вѣка совпадало. Это могло имѣть свои вліянія. Крещеніе Иисуса Христа многими было понято совсѣмъ не по Евангелію: крестился Иисусъ Христосъ младенцемъ, крестила Его Богородица, кумомъ былъ Иванъ Креститель. Въ одной малорусской колядкѣ купаетъ—крестить Христа Богородица, пеленаетъ въ шелковыя пеленки; въ болгарской: Богородица проситъ Николу окрестить Сына, но Никола отказывается, посылаетъ Ее къ Ивану.

Дѣйствующія лица: Царь Иродъ и дочь его Иродіада. Царь Иродъ козаръ (жидъ, жидовинъ). Онъ живетъ на черной горѣ въ бѣлыхъ термахъ. Иродъ—одинъ, другого никакого Ирода не было: онъ и младенцевъ перебилъ, онъ и голову Ивану Крестителю посѣкъ, его живьемъ и черви съѣли. Иродіада не дочь Аристовула, сына Ирода Великаго, не племянница Ирода Ан-

типы, а родная дочь царя Ирода. Про Саломію ничего не говорится, апокрифъ такой не знаетъ.

Пьютъ и ѣдятъ въ Иродовомъ дворцѣ по русскому. Обычаи въ корни «русскіе»; не русскіе—западные вводятся для выдѣленія Иродовой поганости—чужеземства: присутствіе напр. византійскихъ удоношъ (фаллофоры), нѣмецкихъ «мартыновъ», и. т. д. Иродіада—панна: и за красоту панна и за свою «поганость». Царевны въ свѣдѣніяхъ поминаются, царевны—русскія; пускай же будетъ панна—царевна.

Сказаніе объ обращеніи Иродіады въ вихоръ послужило основаніемъ другихъ сказаній о дочеряхъ Иродовыхъ—трясавицахъ.

Стр. 7. «Бѣлогрудая птица» — символъ Богородицы.

Стр. 7. «Семьдесятъ двѣ страны» — символическое число странъ земли. Въ одной старо-нѣмецкой пѣснѣ шпильманскаго пошиба говорится: «Nu sage mir meister Trougemunt, zwei und sibenzec lant diu sint dir kund»... и т. д.

Тоже упоминается и въ «Бесѣдѣ трехъ Святителей»: «Колко острововъ великихъ?—Семьдесятъ и двѣ, а языковъ разныхъ толко же, а рыбъ разныхъ толко же, а птицъ разныхъ толко же, а деревь

разныхъ толко же»... и т. д. (См. также поэмы о королѣ Ротерѣ и объ Ортнитѣ).

Стр. 9. «Волхвы отошли инымъ путемъ въ страну свою персидскую». Въ «Сказаніи Афродитіана о чудѣ въ Персидѣ» рассказывается, какъ персидскіе волхвы ходили на поклоненіе; они не только поклонились Младенцу и принесли дары Ему, но умудрились сдѣлать изображеніе Христа и Богородицы. Ими же записана на золотые листы исторія Рождества; листы хранятся въ кумирницѣ. См. П. Е. Щеголевъ: Очерки исторія отреченной литературы. Сказаніе Афродитіана. СПБ. 1899-1900. Изв. Отдѣл. Рус. яз. и Словес. Имп. Акад. Наукъ.

Стр. 11. «Корочунъ». Древн. рус. карачунъ, корочунъ, корочюнъ; малорус. керечунъ; происходитъ отъ «крачить», «кракъ» — шагъ, нога. Олицетвореніе навечерія Рождества. Древн. рус. названіе Солноворота — 12 декабря, Филипповокъ — 15 ноября по 24 декабря.

Когда пришло время рожать Богородицѣ, никто не пріютилъ Ее, одинъ старикъ Корочунъ пріютилъ Ее. За это румынская колядка отводитъ Корочуну (Кречуну) высокое мѣсто на томъ свѣтѣ: старый купается вмѣстѣ съ Ива-

номъ Крестителемъ въ рѣкѣ Крещенія Іорданѣ; въ ней купается и самъ Господь Богъ, только повыше; въ ней купаются и святые угодники, только ужъ пониже. Купается Корочунъ, моется, въ бѣлую одежду облачается, муромъ помазуется.

Въ великорусскихъ говорахъ Корочунъ—злой духъ, смерть, нѣчто враждебное Рождеству. См. А. Ремизовъ: Посолонь. М. 1907. Изд. «Золотого руна».

Стр. 11 «Конь подѣлъ подъ Младенцомъ сѣно». Въ хлѣву у Корочуна водились кони. Проголодался ли конь или такъ дурковатый какой, озорства ли ради, только взялъ да и сѣлъ все сѣно въ ясляхъ подъ Младенцемъ. Вотъ почему на постную кутью въ Рождественскій сочельникъ сѣно, которымъ покрываютъ столъ, не слѣдуетъ давать конямъ, воламъ же и быкамъ можно. См. Крачковскій: Бытъ русскаго селянина. Драгомановъ: Малорусскія народн. преданія и рассказы. П. П. Чубинскій: Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край. 1872—1878.

Стр. 12 «Жатвенный пиръ». Празднованіе январскихъ Календъ съ 1—5 января завершалось

въ Византіи жатвеннымъ или готскимъ пиромъ съ воинственной пляской ряженныхъ; по этому случаю въ царскомъ дворцѣ давалось угощеніе народу.

Стр. 12. «Не счесть ликомъ» — не провѣрить наличность присутствующихъ. См. Даль: Толковый словарь. Изд. Вольфа, СПб. 1903.

Стр. 13. «Веселые люди» упоминаются вмѣстѣ съ скоморохами, попрошатаями, медвѣдчиками и медвѣжьими поводчиками. Рассказывается во 2-й Новгородской лѣтописи «Лѣта 7080 (1571) мѣсяца Сентября... въ 18, вторникъ, въ Новѣгородѣ на Софійской стороны, въ земщины, Субота Осетръ дѣякъ Данила Бартенева билъ да и медвѣдемъ дралъ его... а втапоры много въ людехъ ученилось (отъ медвѣдя) изрону. Въ тѣ поры въ Новѣгородѣ и по всѣмъ городамъ и по волостемъ на государя брали веселыхъ людей да и медвѣдя отписывали на государя, сея весны, у кого скажутъ... Да и того же мѣсяца 21, въ пятокъ, поѣхалъ изъ Новгорода на подводахъ къ Москвѣ Субота и съ скоморохами и медвѣдей повезли съ собою на подводахъ къ Москвѣ».

Стр. 13. «Глумны, игре цы» — бродячіе потѣш-

ники, музыканты—нѣмецкіе шпилъманы. Въ Иловицкой Кормчей 1262 г. шпил'манъ, рекше глоумъцъ; «шпил'манить, рекше глоумы дѣють;» «якоже се скомраси и глоум'ци». См. Акад. А. Н. Веселовскій: Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. СПб. 1883.

Стр. 13. «Береза—Коза» — главный колядовщикъ. Въ Малороссіи Козу дѣлають изъ дерева, а туловище покрываютъ шубой; ее поддерживаетъ скрытый подъ шубой человѣкъ. Въ Бѣлороссіи Коза—парень въ кожухѣ наизнанку, голова покрыта маской съ приставленными коровьими рогами.

Появленіе Козы, которую ведетъ Антонъ, начинается призывъ къ пляскѣ.

Антонъ козу ведетъ,
 Антонова коза нейдетъ;
 А онъ ее подгоняетъ,
 А она хвостикъ поднимаетъ;
 Онъ ее вожками,
 Она его рожками.

Коза сначала пляшетъ, потомъ упрямится. Антонъ бьетъ ее веревкой, она бодаетъ его и дрыгаетъ ногами. Тутъ ужъ всякъ запляшетъ,

даже кто и не можетъ. См. Терещенко: Бытъ русскаго народа.

Стр. 13. «Удоноши, зачерненные сажей». — Пачкать лицо сажей восходитъ къ Византійскимъ обрядностямъ Діонисовскихъ празднествъ. Иеи-фаллы Діониса, вооруженные фиговыми либо кожаными фаллами, окрашивали себѣ лицо от-стоемъ вина или покрывались личинами въ от-личіе отъ фаллофоровъ (удоношъ), чернившихъ лицо сажей.

Стр. 13. «Турицы, туры». Рядится Туромъ — бы-комъ распространенный обычай на колядскихъ игрищахъ.

Ой Туръ молодецъ удалой,
Туръ изъ города большаго,
Вызывалъ красну дѣвицу
Съ нимъ на травкѣ побороться,
Ой дидъ — ладо побороться...

См. Снегиревъ: Простонародные праздники. I.

Стр. 13. «Кони, кобылы». Конь — извѣстная свя-точная маска: «бѣсовская кобылка» древнихъ русскихъ колядъ.

Стр. 13. «Пляшутъ со слѣпой рыжей сучкой». Грамота царя Алексѣя Михайловича въ Бѣл-

городъ къ Батурлину 1648 г. нападаетъ на тѣхъ, что «медвѣди водятъ и съ собаками пляшутъ» запрещая впредь, чтобы они «медвѣдей (не водили) и съ сучками не плясали».

Выдресированныя собачки были съ давнихъ поръ въ большомъ ходу у скомороховъ. Рассказываютъ про одного итальянца по имени Андрея, у котораго была рыжая слѣпая собака, понятливая и проворная на всѣ руки: умѣла собака распознавать на монетахъ изображенія императоровъ, угадывала безъ ошибки какая изъ присутствующихъ женщина беременна, кто скупъ или щедръ или развратенъ и т. п. См. Акад. А. Н. Веселовскій: Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. СПБ. 1883.

Стр. 13. «Разносятъ утыканныя серебромъ яблоки». Въ ночь на 1 января въ Византіи ходили дѣти изъ дома въ домъ, поднося хозяину яблоки, утыканныя серебряными монетами, за которыя получали вдвойнѣ.

Стр. 13. «Кличутъ Плугу». Въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича къ Шуйскому, воеводѣ Зиѣва, 1649 г. говорится: «въ навечеріе Рождества Христова и Васильева дни и Богоявленія Господня клички бѣсовскіе кличутъ: Коледу и

Таусень и Плугу.» «Плуга» — олицетвореніе плуга. Хожденіе колядовщиковъ съ плугомъ распространенный обычай. Поются особыя пѣсни—плуговыя.

Стр. 13. «Усень» (Авсень, Овсень, Говсень, Бодцень, Баусень и т. д.). Этимологическихъ объясненій названія Авсень, Усень предлагается нѣсколько: одни производятъ Овсень отъ овесъ, другіе выводятъ отъ корня «сѣ»—ять. (Такое толкованіе дано впервые А. Н. Веселовскимъ). Дѣлалась попытка сопоставлять «Усень» съ литовско — латышскимъ *auszga*—утренняя заря (Курціусъ и Потебня: Объясненія малороссійскихъ народныхъ пѣснѣнъ. II.) и т. д. Можетъ быть, Усень имя божества, блещущаго Бога предвесеней зари. Онъ поминается въ овсеновыхъ пѣсняхъ на Васильевъ вечеръ. См. Е. В. Аничковъ: Весенняя обрядовая пѣсня на западѣ и у славянъ. СПб. 1903—1905. П. В. Владиміровъ: Введеніе въ исторію русской словесности. Кіевъ 1896.

Стр. 13. «На сивой свинкѣ выѣзжаетъ самъ Усень». Жертвенный поросенокъ колется на новый годъ, на день св. Василя; Василій—покровитель свиней. Ряженъе свиньей стоитъ со

святочнымъ жертвеннымъ значеніемъ этого животного. Въ Византіи на празднованіи Сатурналій (17 дек.—23 дек.) закалывали поросенка. Рядиться свиньей надо такъ: спереди и сзади прикройся свинными шкурами, на голову надѣнь свиную голову, да выбирай голову, чтобы зубы были побольше. Когда другіе ряженные начнутъ пляску, свинья пускай бѣгаетъ вокругъ нихъ, да колетъ ихъ своими клыками. А будутъ бить, притворись убитой.

Стр. 13. «Таусень!» — припѣвъ къ колядкамъ на новый годъ. «Таусень» представляетъ соединеніе «Тай усень,» «Да—ту—усень.»

Кому мостами ѣздити?

Таусень!

Молодцу удальцу.

Таусень!

См. П. В. Шейнъ: Великоруссѣ. III. I. Вып. I. СПб. 1898. Терещенко: Бытъ рус. народа.

Стр. 14. «Мартыны безобразные». О мартынахъ ходитъ слухъ, будто есть у нихъ своя страна, но страну ихъ никто не знаетъ и они никому ее не показываютъ, потому что сами они ужъ очень страшные; только что по но-

чамъ и показываются и то въ большіе праздники. «Мартыны» произошли отъ св. Мартына, покровителя свиней въ Германіи. Св. Мартынъ празднуется 11 ноября. Онъ открываетъ зиму и завершаетъ пору жатвы и сбора винограда. Для ряженія «мартыномъ» пригодна маска козла (эстонскій обрядъ).

Стр. 14. «Медвѣди». Ряженъ медвѣдя принадлежитъ къ распространенной народной забавѣ. Излюбленная святочная маска въ Германіи, Чехіи, Моравіи, Болгаріи, Россіи и Грузіи. Ряженъ явилось замѣной появленія въ обрядѣ самого звѣря, спустившагося отъ серьезнаго культового значенія къ роли потѣшнаго ученаго звѣря. (Браброніи и брабронскія празднества въ честь Діониса).

Стр. 14. «Домра»—азиатская балалайка съ проволочными струнами. Игроки на домрахъ назывались домрачами. Извѣстна пословица: радъ скоморохъ о своихъ домрахъ.

Стр. 15. «Сурна»—видъ рожка или свирѣли, духовой деревянный инструментъ. Звукъ рѣзкій, пронзительный. Армянская зурна, чувашскій сурнай. Сурначи—игрецы на сурнахъ.

Стр. 15. Двѣ сплетшіяся вершинами вѣтви дерева (яблони), освѣщенные свѣточами—символь крестнаго страданія. Свѣточы—жертвоприношеніе. Зажигать свѣчи на деревѣ—распространенный народный обычай. Кромѣ того свѣчи на деревьяхъ встрѣчаются въ свадебныхъ обрядахъ: «дѣвья красота»—елка, украшенная цвѣтами и лентами, ее несутъ дѣвушки, отправляясь къ невѣстѣ на дѣвичникъ. См. А. Н. Веселовскій: Разысканія. СПб. 1883 Сумцовъ: О свадебныхъ обрядахъ преимущественно русскихъ. Мандельштамъ: Опытъ объясненія обычаевъ индо-европейскихъ народовъ, созданныхъ подъ вліяніемъ міаа.

Стр. 15. Мвро, вино, пшеница, вода—вещество таинствъ.

Стр. 16. Крещеніе кровью—символь распятія.

Стр. 18. «Вытница, вопленица, плачея, пѣвуля», стиховодница, заводница, княжна-сваха—различные названія дружка невѣсты.

Стр. 18. «Ой рано, рано»,—запѣвъ овсеновой пѣсни.

Стр. 18. «Птицы изъ Ирѣя по небу плывутъ». Ирѣй—вырей, вырай, ирій—сказочная страна

въ которой нѣтъ зимы. Въ Поученіи Владиміра Мономаха: «И сему ся подивуемы, како птицы небесныя изъ ирья идуть». «Чомъ ти жавороньку рано зъ вирья вылітавъ? Ище по горонькамъ сніженьки лежали» (Чубинскій: Труды этнографстатистич. эксп.)

Стр. 20 «Иванъ Креститель больше не рыщетъ сивымъ оленемъ въ пустынѣ.» Ивана Крестителя неизвѣстно за какія причины проклѣла его мать. Проклятый онъ превратился въ сиваго оленя съ золотыми рогами и серебряными копытами. Такъ заклятъ онъ скитаться оленемъ по лѣсу девять лѣтъ и девять дней. Когда они исполнятся, онъ сойдетъ на землю, возьметъ въ руки ключи, войдетъ въ церковь и будетъ служить обѣдню. (Румынская колядка.)

Стр. 25. «Красный знакъ вокругъ шеи огненной ниткой жжетъ». Каталонское преданіе рассказываетъ, какъ однажды засталъ разсвѣтъ Иродіаду на берегу замерзшей рѣки, а ей надо было перейти на ту сторону и тамъ укрыться въ пещерѣ. Только что дошла она до половины рѣки, какъ ледъ подъ ней раступился и отрѣзалъ ей голову, заставивъ испытать страданія Ивана Крестителя. Голова, конечно, приросла

немедля. Но съ тѣхъ поръ вокругъ шеи Иродіады остался знакъ, словно красная нитка.

«ГНѢВЪ ИЛЫИ ПРОРОКА, ОТЪ НЕГО
ЖЕ СОКРЫЛЪ ГОСПОДЬ ДЕНЬ ПА-
МЯТИ ЕГО».

Повѣсть дѣлится на три части. Главная часть повѣсти — злоключенія Іуды и неистовство Ильино отдѣляется отъ вступленія съ описаніемъ загробныхъ путей и адова чрева припѣвомъ заплачки: «Земля! Ты будь мнѣ матерью. Не торопись обратить меня въ прахъ!» Такимъ же припѣвомъ завершается мука мученская заключенія повѣсти. Повѣсть покаянная и поучительная.

Стр. 35. Расположеніе путей загробнаго міра разнообразно представлены въ румынскихъ заплачкахъ, которыми пользовался авторъ. См. также «Хожденіе Зосимы и Агапія къ Рахманамъ». (Памяти. отреч. рус. литер. Н. С. Тихонова). О. И. Буславъ: Историческіе очерки народной словесности и искусства. А. Н. Ава-

насъевъ: Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу.

Стр. 39. «Хриstopродавка». Тpавa—хриstoppодавка (*Aconitum Lycostonum*) съ разрѣзными листьями. Въ Вологодской губ. pазсказываютъ, будто когда жидаы ловили Христа, хотѣлъ Христосъ спpята́ться подъ хриstoppодавкой, но не сумѣла тpавa хорошо укpыть Христа,—замѣтили Его жидаы, схватили ножи и копья да ну пыpять и колотъ въ тpаву. Христа, конечно, не подцѣпили, а тpаву испортили: пощипали всѣ листьи, порѣзали. Такъ съ той пopy и pастетъ такой. Покаралъ Господь: не сумѣла она хорошо укpыть Христа.

Въ Сибири то же pазсказываютъ. Только тамъ не хриstoppодавка, а тpавa-пpострѣлъ. Прокляла ее Богородица. См. Потанинъ: Очерки сѣверо-запад. Монголіи. Событіе пpиуроcивается и къ избіенію младенцевъ и къ страcтямъ Господнимъ.

Стр. 51. Въ Болгаріи pазсказываютъ, что Илья заставляеть умершихъ цыганъ дѣлать градъ изъ снѣгу и пускаеть его лѣтомъ на поля грѣшниковъ. Тамъ же, въ Болгаріи живетъ повѣрье: будто души дѣтей родившихся по смер-

ти отца помогаютъ Ильѣ преслѣдовать ламію. Ламія пожираетъ жито.

ОТЧЕГО НЕЧИСТЫЙ БЕЗЪ ПЯТЬ И О СОТВОРЕНІИ ВОЛКА.

Слово Егорія Волчьяго Пастыря Николѣ Угоднику.

Матеріаломъ Слову послужила малорусская легенда о сотвореніи волка. Волкъ, хотя и созданный Дьяволомъ, представляется въ легендѣ Божьей «собакой», которая откусываетъ пятки Діаволу. Съ этимъ связано повѣрье, что чертей и покойниковъ, блуждающихъ по смерти, надо пугать волкомъ; такой покойникъ, когда его три раза съѣдятъ волки, находитъ успокоеніе.

Есть легенды и повѣрья, въ которыхъ волкъ является только созданиємъ Дьявола. «Волчьи выходы» на Ильинъ день: волки со змѣями бродятъ по полямъ и лѣсамъ, терзая домашнюю скотину и лишь громъ Ильинъ можетъ разогнать ихъ; средневѣковыя выраженія для

Дьявола: *Infernus lupus, lupus vocat*; объясненія затменія солнца и луны поглощеніемъ ихъ чудовищнымъ врагомъ—волкомъ и др.

Подробныя толкованія и объясненія христіанскихъ легендъ и апокрифовъ съ указаніями литературы древнихъ памятниковъ и текстовъ см. акад. А. Н. Веселовскій: Разысканія въ области духовнаго стиха (Зап. 2-го отд. Акад. Наукъ 1879 г., отдѣл. выпуски), Опыты по исторіи развитія христіанскихъ легендъ (Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. за 1875—1877); Н. С. Тихонравовъ: Сочиненія. М. 1898.

ВѢЩИЦА, ИМЕНЪ КОТОРОЙ ДВѢНАДЦАТЬ СЪ ПОЛОВИНОЮ. ИЗЪЯВЛЕНІЕ.

Вѣщица — демоническое существо о двѣнадцати съ половиной именъ. Имена указываютъ на разные виды зла, причиняемыя Вѣщицей людямъ.

Византійскія сказанія о дьяволѣ Гилло и еврейская легенда о Лилитъ, первой женѣ Адама, послужили впослѣдствіи матеріаломъ заговору противъ трясавицъ и молитвъ Сисинія.

Греческая Γέλλω — славянская Вѣщица, восходитъ къ халдейскому учению о 12-ти астральныхъ духахъ, влияющихъ на судьбу человѣка.

Мансвѣтовъ: Византійскій матеріалъ для сказанія о 12-ти трясавицахъ. Труды Моск. Археолог. Общ. т. IX, вып. I. М. 1881.

Безсоновъ: Бѣлорусскія пѣсни. Потанинъ: Югозападная часть Томской губ. Этнограф. Сборн. VI. Буслаевъ: Историческіе очерки русской народной словесности и искусства, СПб. 1861.

Стр. 87. Шеломъ окатный — шеломя окатное—необрывистый, пологій холмъ, утесъ.

О СТРАСТЯХЪ ГОСПОДНѢХЪ. ТРИДНЕВЕНЪ ВО ГРОБѢ.

Стр. 93. Когда насаждалъ Богъ рай, пришелъ Сатанаилъ и посѣялъ древо познанія добра и зла. Богъ сказалъ, указуя на дерево: «Ту буду азъ и тѣло мое и будетъ тебѣ на прогнаніе».

Древо Познанія развѣтвилось на три части: одна часть означала Адама, другая Еву, а се-

редняя Господа. Во время грѣхопаденія части Адама и Евы упали. Адамова часть поплыла въ Тигръ, а Евина послѣ потопа занесена была къ водамъ Мерры. Сиеъ, поминая Адама, сложилъ по указанію Ангела костеръ изъ Адамовой части, и запылалъ неугасимый огонь, который стали стеречь звѣри. Когда Лотъ согрѣшилъ со своими дочерями, Авраамъ велѣлъ ему принести головню отъ звѣря. Лотъ принесъ и посадилъ на горѣ и поливалъ, пока не выросла головня въ высокое дерево. Въ странствіяхъ по пустынѣ, Моисей по повелѣнію Ангела посадилъ Евину часть въ рѣкѣ крестообразно, и вода изъ горькой превратилась въ сладкую, а дерево разрослось. Почувствовавъ приближеніе смерти, Адамъ просилъ Сиеа и Еву пройти къ раю и попросить Архангела дать едея милосердія, чтобы утолить страданія. Архангелъ Михаилъ далъ имъ часть Господнюю. Адамъ узналъ ее, сдѣлалъ себѣ вѣнецъ, надѣлъ на голову и умеръ. Изъ вѣнца выросло огромное дерево.

При построеніи храма Соломонова всѣ эти три дерева попали въ Іерусалимъ, но для постройки оказались негодными. И пролежали такъ у храма до распятія, когда Пилать ве-

лѣлъ для Христа и разбойниковъ сдѣлать изъ этихъ деревьевъ кресты.

Часть Господня, выросшая изъ вѣнца, вырвана была съ головой Адама. Соломонъ, узнавъ голову, велѣлъ ее закопать и засыпать камнями, такъ образовалась Голгоѳа. По другому сказанію Голгоѳа была мѣстомъ погребенія Адама въ Эдемѣ (см. «Апокалипсисъ Моисея», «Слово о Адамѣ», «О исповѣданіи Евинѣ»).

Стр. 93. «Леванитовъ крестъ»—Есть сказаніе, что Господню часть нашли на Ливанѣ, отсюда произошло названіе креста—леванитовымъ (ливанскимъ). «Голубиная книга» выпадала «ко честной главѣ ко Адамовой», «у чуднаго креста Леванитова».

Въ сказаніяхъ о крестномъ древѣ указывается на три крестныхъ древа: кедръ, кипарисъ и сосна, вмѣсто сосны — пальма, олива (елоя, олея) или ель (пегга), пальма, кипарисъ или кипарисъ, ель, кедръ.

См. А. Веселовскій: Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ. Спб. 1872 г. В. А. Келтуаль: Курсъ исторіи русской литературы. Спб. 1906.

Стр. 94. «Забивали подъ ногти иву — согрѣшившее дерево». Малороссійская колядка оворитъ, что ива проклята за то, что ни одно дерево не далось, а она далась мучить Христа. Съ тѣхъ поръ ива стала червивой.

Ст. 94. «Гдѣ гвозди вбивали, тамъ текла кровь» и т. д. Кровь—вино. Потъ—мѣро. Слезы—пшеница.

СОДЕРЖАНІЕ:

	стр.
О безуміи Иродіадиномъ, какъ на землѣ зародился вихоръ	5
О мѣсяцѣ и звѣздахъ и откуда они такіе.	27
Гнѣвъ Ильи Пророка, отъ него же со- крытъ Господь день памяти его . . .	33
Отчего нечистый безъ пятъ и о сотвореніи волка. Слово Егорія Волчьяго Пастыря.	63
Вѣщица, именъ которой двѣнадцать съ по- ловиною. Изъявленіе	73
О страстяхъ Господиѣхъ. Тридневенъ во гробѣ	91
Примѣчанія	107

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

Посолонь. Сказки. Изд. «Золотое Руно». М.
1907. ц. 1 руб.

Морщинка. Сказка. Съ рис. М. В. Добужинска-
го. Изд. «Птиповникъ». СПБ. 1907.

Прудъ. Романъ. Изд. «Сириусъ» (Печатается).

Логъ. Разказы. (Печатается).

Полунощное солнце. Поэмы. (Печатается).

Часы. Романъ (Готовится къ печати).

Изданія «ОРЪ».

- ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ. — «ЭРОСЪ» — Четвертая книга лирики. Ц. 60 к.
- Л. ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛЪ. — «ТРИДЦАТЬ ТРИ УРОДА». — Повѣсть. — Освобождена отъ ареста. Ц. 40 к.
- АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ. — «СНѢЖНАЯ МАСКА». — Третья книга стиховъ съ фронтисписомъ Л. Бакста. Ц. 60 к.
- Л. ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛЪ. — «ТРАГИЧЕСКІЙ ЗВѢРИНЕЦЪ». — Разказы.
- АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ. — «ЛИМОНАРЬ». — Повѣствованія по апокрифамъ. ц. 60 к.
- ГЕОРГІИ ЧУЛКОВЪ. — «ТАЙГА». — Драма въ 3 актахъ. Ц. 40 к.
- ЦВѢТНИКЪ «ОРЪ». ВЕСЕННЯЯ КОШНИЦА. 1907 г. Сборникъ лирическій и драматическій. Печатаегся.
- СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ. — «ПЕРУНЪ». — Стихотворенія лирическія и лироэпическія. Книга вторая. Печатаегся.
- МАКСИМИЛАНЪ ВОЛОШИНЪ. — «ЗВѢЗДА ПОЛЫНЬ». Книга стиховъ. Печатаегся.
- ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ. — «ПО ЗВѢЗДАМЪ». — Статьи и афоризмы. Печатаегся.

СКЛАДЪ ИЗДАНИИ
въ книжныхъ магазинахъ М. О. Вольфъ.

Выписывать можно черезъ контору журнала
«Вѣсы», Москва, д. Метрополь.

Обложка, марка издательства и концовка М. В.
Добужинскаго.

Отпечатано въ апрѣлѣ 1907 г.
Товариществомъ «Вольная Типографія»,
Спб. Фонтанка, 94.

ИМѢЕТЪ ВЫЙТИ ВЪ СВѢТЪ
КЪ 1 МАЯ 1907 Г.

«Цвѣтникъ Оръ. Кошница первая.»

Содержаніе: ВЯЧ. ИВАНОВЪ: «Оры». — К. БАЛЬМОНТЪ: «Зеленый Вертоградъ». — Ѳ. СОЛОГУБЪ: «Пустыня». — А. РЕМИЗОВЪ: «Мара — Марена». — ВАЛ. БРЮСОВЪ: «Одиночество». — П. СОЛОВЬЕВА (Allegro): «Жемчужина». — МАКС. ВОЛОШИНЪ: «Киммерійскія Сумерки». — ВЛ. ПЯСТЪ: «Ананке». — ЮРІЙ ВЕРХОВСКІИ: «Дѣва — Птица». — М. КУЗМИНЪ: «Комедія о Евдокии изъ Геліополя». — АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ: «Предъ ликомъ твоимъ». — Г. ЧУЛКОВЪ: «Обрученіе». — Л. ЗИНОВЬЕВА—АННИБАЛЪ: «Пѣвучій Оселъ». С. ГОРОДЕЦКІЙ: «Птица надъ озеромъ». АД. ГЕРЦЫКЪ: «Золотъ-Ключъ». — М. САБАШНИКОВА: «Лѣсная Свирѣль». — ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ: «Золотыя Завѣсы».

К-во Д. К. Тихомирова.

Сборники

„Фанелы“

КНИГА ПЕРВАЯ: Леонидъ Андреевъ. «Такъ было». — С. Сергѣевъ-Ценскій. «Проталина». — О. Дымовъ. «Бунтовщики». — А. Ремизовъ. «Серебряная ложка» — Л. Зиновьева-Анибалъ. «Нѣтъ» — Александръ Блокъ. «Балаганчикъ» — Стихи Вяч. Иванова, Ѳ. Сологуба, Сергѣя Городецкаго, Георгія Чулкова и др.
Цѣна сборника 1 рубль. (На лучшей бумагѣ — 1 рубль 50 коп.)

КНИГА ВТОРАЯ: Георгій Чулковъ «Объ утвержденіи личности». — І. Давыдовъ. «Индивидуалистическій анархизмъ». — А. Мейеръ. «Бакунинъ и Марксъ». — Левъ Шестовъ. «Похвала глупости». — Александръ Вѣтровъ. «Прошрое и настоящее анархизма». — Сергѣй Городецкій. «На свѣтломъ пути». — Георгій Чулковъ «Тайна любви». — Вячеславъ Ивановъ «О любви дерзающей».

Цѣна сборника 1 рубль.

Склады изданія: СПБ. Толмазовъ пер., д. 5, книжный складъ Д. К. Тихомирова и въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, магазинъ К. И. Тихомирова.